

© 2000 г.

Aemilius Blossius Dracontius

TRAGOEDIA ORESTIS

Эмилий Блоссий Драконций

ТРАГЕДИЯ ОРЕСТА

*Вступительная статья, перевод с древнегреческого и комментарии
В.Н. Ярхо*

Античный мир на пороге средневековья

«Трагедия Ореста» Драконция

Творчество позднелатинского поэта Драконция¹ (вторая половина V в.) не пользуется у нас слишком широкой известностью, хотя наследие его представляет интерес как для античников, так и для медиевистов. Дело в том, что в поэтическом наследии Драконция объединяются две тенденции. От него дошли, с одной стороны, написанная вполне в христианском духе большая поэма в трех книгах «Хвала Господу» (*Die laudibus Dei*)²; с другой, – целый ряд произведений, в которых таким же эпическим гексаметром излагаются языческие мифы о Геракле и Гиле, Медее и Оресте, Елене и Ахилле (при том, что по объему они, вместе взятые, не уступают «Хвале Господу»).

И те и другие произведения Драконция были известны, хоть и сравнительно узкому кругу (об этом говорит небольшое количество дошедших средневековых рукописей) ученых

¹ Имя автора Dracontius принято передавать у нас как Драконтий. Едва ли это верно, так как сочетание *ti* на рубеже V–VI вв. уже давно звучало как [tsi] и русская транслитерация имен, оканчивающихся на *-ntius*, через *-ций* является вполне обоснованной: Констанций, Пруденций, Фульгенций. Почему надо делать исключение для Драконция?

² Впрочем, и в этой поэме наряду с примерами верности богу, заимствованными из Ветхого и Нового завета (III. 76–250), приводятся образцы самоотверженности, проявленной героями мифологии и древней истории: Кодром, Леонидом, Регулом и другими (261–438).

читателей, по меньшей мере, до рубежа XV–XVI вв.: раздел о сотворении мира из кн. I «Хвалы Господу» заслужил высокую оценку такого церковного авторитета, как епископ Исидор Севильский (560–636), а несколько позже был издан в середине того же VII в. по поручению короля визиготов Хиндасвинта испанским епископом и поэтом Евгением Толедским³. К этому изданию восходит несколько рукописей IX в., а выдержки из других книг вошли в два флорилегия IX–X вв., опередивших, таким образом, на два–три века наиболее древнюю рукопись, содержащую все три книги «Хвалы Господу» и составленную в XII в.

Что касается поэм с мифологическим содержанием, то самая ранняя рукопись «Трагедии Ореста» (правда, без имени автора) относится к IX в. Отдельные стихи из этой поэмы встречаются в четырех рукописных флорилегиях XIII–XIV вв., которые восходят к прототипу, написанному в XI или XII в. В 1329 г. был составлен так называемый Веронский флорилегий, в котором цитируются стихи из поэм Драконция «Похищение Елены» и «Размышления Ахилла», а в 1494 г. все «светские поэмы», кроме «Ореста», составили рукописную книгу, образцом для которой послужил, по мнению исследователей, манускрипт то ли VII–VIII, то ли IX в. Ко второй половине XV в. принадлежит также и другая рукопись «Трагедии Ореста» (см. подробнее введение к переводу).

Потом судьба распорядилась с двумя частями наследия Драконция по-разному: «Хвала Господу» (правда, только I книга в том урезанном виде, в каком знали ее Исидор и Евгений), издавалась несколько раз в XVII и XVIII вв., а в XX в. достаточно часто уже целиком, после того как в 1791 г. был открыт и опубликован ее полный текст. Напротив «светские» сочинения Драконция были забыты до начала XIX в., чем нисколько не умаляется его значение как одного из последних языческих поэтов. Между тем, в академической «Истории римской литературы» Драконцию уделена едва ли полная страница⁴. Более обстоятельная его характеристика содержится во вступительной заметке М.Л. Гаспарова к переводам из Драконция в «Памятниках средневековой латинской литературы IV–IX веков» (М., 1970), но и там «Трагедия Ореста» только упоминается, что, впрочем, вполне понятно, поскольку среди переведенных произведений Драконция ее нет⁵. В первом же случае отсутствие интереса к «Трагедии Ореста» тоже, вероятно, может быть объяснено: после того, как события в доме Агамемнона стали предметом изображения у Эсхила и Софокла, Еврипида и Сенеки, можно ли ожидать каких-нибудь художественных открытий у отнюдь не первостепенного позднего автора?

Кем же был на самом деле этот человек, чье положение на грани двух эпох и на стыке двух культур как раз и делает его творчество интересным для исследователей и античности и средневековья?

Полное имя – Блоссий Эмилий Драконций – сохранилось только в единственной рукописи, содержащей его светские сочинения, в виде приписки в конце риторической «Контроверсии о статуе храброго мужа»⁶. Здесь мы читаем: *exp(licit) controversia statuae viri fortis, quam dixit in Gargilianis thermis Bloss(i)us (A)emilius Dracon(t)ius, vir clarissimus et togatus fori procunsulis almae Karthaginis, apud proconsulem Pacideum*. Из этого следует, что Драконций происходил из Карфагена и принадлежал к знатной фамилии (*vir clarissimus*). До него она представлена в римской просопографии еще двумя значительными лицами: Домицием Драконцием, занимавшим должность *magister privatae rei Africae* в 320/321 г., и Антонием Драконцием, викарием Африки в 364 и 367 гг. Этот последний упоминается вместе с проконсулом Юлием Фестом Гиметием в надписи из Малого Фурна (*Furnos Mimus*)⁷ – епископской резиденции, расположенной примерно в 40 км на запад от Карфагена и в 50 км – на юг от Малого Фубурбена (*Thuburbo Minus*). Раскопки открыли в Фурне христианские погребения с мозаикой и надписями, среди которых в одной содержится имя Блоссий; другая представляет собой эпита-

³ Любопытно, что в Испании же, в Леоне, было обнаружено надгробие с цитатой из «Хвалы Господу» (I. 611). Речь идет о Христе: «Кто своей крови потоком смыл прегрешения наши».

⁴ История римской литературы. Т. II. М., 1962. С. 394–395.

⁵ Здесь переведены большой отрывок «Сотворение мира» из «Хвалы Господу» и «Эпигаламий Иоанну и Витуле».

⁶ См. перевод Контроверсии в сб. «Поздняя латинская поэзия». М., 1982.

⁷ См. *Dracontius. Oeuvres*. T. I. Louanges de Dieu. Livres I et II. P., 1985. P. 9–10.

фию некоего Блоссия Требония Евкарпия, «знатного мужа». Стало быть имя «Блоссий», возможно, также указывает на связь нашего Драконция с местной сенатской знатью.

Дальше из той же заключительной приписки следует, что Драконций занимал какую-то юридическую должность при проконсуле (*togatus fori procunsulis*)⁸. Был ли он так называемым куратором и защитником обвиняемых, как это можно заключить из его собственных слов⁹, или выполнял какие-либо другие поручения проконсула, точнее не известно, но в любом случае для этого требовалась хорошая риторическая выучка, оказавшая впоследствии исключительное влияние на творчество Драконция.

Карфаген славился своими традициями в области образования еще во времена Поздней империи. Отсюда происходил Марциан Капелла, автор знаменитого в Средние века «Обручения Меркурия и Филологии». Примерно еще полвека спустя, в 447 г., местный врач Кассий Феликс написал трактат «О медицине», активно используя греческие источники, преимущественно Галена. Эта дата переносит нас уже в Карфаген, захваченный в 439 г. вандалами, которые, сохранив в Западной Африке римские государственные институты, со временем, видимо, поняли, какое значение для их поддержания имеет риторическое образование. В последней четверти V в. в Карфагене существовало несколько риторических школ: своего наставника грамматика Фелициана, более не известного, но, по-видимому, занимавшего в городе достаточно заметное положение¹⁰, Драконций со временем назовет человеком, который «возвратил африканскому городу изгнанные науки»¹¹. Поэтому некоторые современные исследователи говорят даже о «Карфагенском Ренессансе», другие предпочитают более осторожное определение – «продолжение прошлого» («*survivance*»).

Так или иначе, риторическое образование вместе с поэтическим дарованием, как видно, позволили Драконцию выступать с публичными рецитациями собственных произведений, – из той же приписки к его Контровверсии мы узнаем, что он читал ее в Гаргилианских термах в присутствии проконсула Пацидея. Происходило это, вероятно, во время наибольших успехов Драконция на общественном и поэтическом поприще.

О дальнейших событиях в жизни нашего поэта сообщает в своих произведениях сам Драконций. По-видимому, на вершине своей карьеры он имел неосторожность навлечь на себя гнев короля вандалов Гутамунда (484–496), посвятив не дошедший до нас панегирик некоему знатному лицу, к которому Гутамунд не испытывал ни малейшего почтения. Насчет того, кто был этим лицом, мнения исследователей расходятся. Известно, что он был иностранцем¹², почему одни подозревают в нем византийского императора Зенона, на что другие возражают, что при существовавших тогда отношениях между королевством вандалов и Византией Драконций, написав такой панегирик, едва ли бы уцелел. Поэтому другие предлагают в качестве его адресата короля визиготов Теодориха, а поводом для послания считают его победы над германским князем Одоакром в 489–490 гг. Между тем, Гутамунд

⁸ Захватив в 439 г. восточную половину Нумидии, вандалы сохранили в ней римскую судебную систему и должность проконсула, в ведении которого оставалось судопроизводство.

⁹ L. D. III, 630 sq.: «...привык прощать я виновных, // и, если просят меня, разобравшись, прощенье дарую»; 654–657: «Тот я, кто некогда право отстаивал, в тогу облекшись, // смерть отгонял от виновных; преступно лишенным богатства // средства дала моя речь, отобрав по суду у имущих: // в рабство одних обрелка, другим даровала свободу».

¹⁰ К нему Драконций обращается в «предисловиях» к двум своим ранним сочинениям, входящим в цикл так называемого *Romulea* (несколько подробнее об этом сборнике мы скажем ниже). В первом поэт прославляет своего наставника наравне с Орфеем за то, что он вернул африканской столице изгнанную ранее оттуда изящную словесность (*Rom. I. 13*); во втором с глубокой признательностью отмечает, что Фелициан разбудил в нем поэтическое призвание (*Rom. III. 15–20*). С обучением у Фелициана связан трудный вопрос, имеющий прямое отношение к тем источникам, которыми мог пользоваться Драконций: вынес ли он из этого времени знание греческого языка, которое позволило бы ему читать в подлинниках Гомера, трагиков и Селтуагинту? Исследователи отвечают на этот вопрос по-разному. Одни совершенно уверены в том, что Драконций знал греческий, другие столь же решительно это отвергают, но аргументы первых представляются более основательными.

¹¹ *Rom. I. 13* («науки» – *litteras*, т.е. именно словесность).

¹² *Satisf. 93–94*: «В этом я был виноват, что господ не хвалил справедливых, // а чужестранца решил, как господина, воспеть».

враждовал и с Теодорихом, и похвалы в честь его соперника не могли доставить ему никакого удовольствия. К тому же, политически опрометчивому поступку поэта сопутствовал какой-то донос, может быть, со стороны достаточно близкого ему человека¹³, – как бы то ни было, Драконций оказался в темнице, потеряв вместе со своим общественным положением также все имущество¹⁴.

Именно в тюрьме он сочинил (целиком или в большей части) свое самое крупное произведение – уже неоднократно упоминавшуюся «Хвалу Господу», а также небольшое «Оправдание» («Satisfactio»), обращенное к Гутамунду, но не возымевшее никакого действия. Заметим, что это было, не считая коротенького стихотворения «О происхождении роз», единственное сочинение Драконция, написанное элегическими дистихами, – вероятно, под влиянием последних циклов Овидия, с чьим положением в годы его изгнания он мог сблизить свое собственное.

Освобождение и возвращение Драконцию имущества¹⁵ принесло только воцарение в 496 г. Трасамунда, которому он посвятил очередной панегирик, также до нас не дошедший. О дальнейшем жизненном пути Драконция ничего не известно.

Во вступительной статье к одному из произведений Драконция едва ли есть необходимость давать характеристику всего его творчества, не подкрепленную переводом других текстов. Поэтому ограничимся здесь краткой справкой о его сохранившихся сочинениях.

Наряду с «Хвалой Господу» и автобиографическим «Оправданием» Драконцию, как уже говорилось, принадлежат также поэмы мифологического и светского содержания. Десять из них объединены в сборник под названием «Romulea», данным ему, может быть, самим автором, одиннадцатая – «Трагедия Ореста». О том, что надо понимать под заголовком «Romulea», ученые опять же спорят, но скорее всего поэт хотел этим сказать, что в вошедших в сборник поэмах он следует римской поэтической и риторической традиции. Во всяком случае, этому намерению вполне соответствуют поэмы, написанные «на случай»: № V – уже упоминавшаяся «Контroversия о статуе храброго мужа» и № VI–VII – два эпиграмма. Первый, как ясно из цитаты в примечании 14, написан после освобождения Драконция, второй сочинен еще в заключении. К светским поэмам относятся также № I и III – два предисловия, посвященные Фелициану.

Вторую половину сборника составляют поэмы мифологического содержания: № II – эпиллий «Гил» и № IV – так называемая этопея на тему о том, что сказал Геракл, когда увидел, как у Лернейской гидры вместо отрубленных голов вырастают новые. Эти две поэмы вместе с предшествующими посвящениями Фелициану исследователи почти единогласно относят к раннему периоду творчества Драконция. Неясным остается вопрос о еще одной поэме с мифологическим содержанием в риторическом оформлении – «Размышления Ахилла о том, следует ли ему отдать за выкуп тело Гектора» (№ IX). Написанная в жанре свазория, эта поэма скорее всего примыкает к ранним риторическим опытам Драконция, хотя некоторые исследователи и допускают, что в эпоху всеобщего интереса к ораторским рецитациям Драконций мог сочинить подобное произведение (превышающее по объему № I и IV, вместе взятые) и в более позднее время.

¹³ Rom. VII. 127–131: «Грех мой не так уж велик, хоть и гневался царь не напрасно, – // злобный душой человек злобной речью меня опорочил, // скверным представил меня и вину мою злобно утроил. // Тот, кому надо бы было просить для меня снисхожденья, // царственный гнев возбудил, господина он сделал свирепым».

¹⁴ L.D. III. 600: «Был я объявлен врагом и добра большей части лишился»; 605: «Толпы рабов убегают, клиенты меня презирают, // и не оплакал никто ни погибель мою, ни паденье».

¹⁵ Об этом Драконций с благодарностью вспоминает в эпиграмме, посвященной женитьбе двух братьев на двух сестрах (Rom. VI. 36–44). Как видно, семья женихов оказала какую-то помощь в освобождении поэта: «Служит щитом этот дом и милость свою мне являет: // сколько я бед пережил, сколько раз моей жизни угрозу, – дланью они благосклонно прикрыли меня и спасенье // мне даровали, страдавшему (это особенно важно); // также имущество все возвратилось их доброю волей. // Всякий ученый поэт, в искусстве своем умудренный, // ныне уж здесь и желает прославить их в свадебной песне, – мне ль с похвалами замешкаться, тех не воспеть по заслугам, // кто так меня приласкал?...».

К сожалению, нет никаких документальных данных о времени написания самых крупных поэм, входящих в состав сборника: «Похищение Елены» (№ VIII) и «Медея» (№ X). По содержанию и по стилю они очень близки к «Трагедии Ореста» и вместе с ней по художественному уровню отличаются от произведений раннего периода. По-видимому, все три можно отнести ко времени творческой зрелости Драконция, – вопрос только в том, когда он ее достиг: к началу 80-х годов? во время заключения, т.е. между 484 и 496 гг.? после выхода на свободу? Поставить эти вопросы легче, чем найти на них ответ. Ясно во всяком случае, что все три мифологические поэмы Драконция написаны человеком, хоть и исповедовавшим христианскую религию, но хорошо знавшим античную поэтическую традицию, – случай по тем временам не редкий (достаточно вспомнить панопольского епископа Нонна, автора огромнейшей поэмы о походе Диониса в Индию), но достаточно показательный для рубежа двух эпох.

Таким образом, мы подошли, вероятно, к самому значительному и, в любом случае, самому объемистому сочинению Драконция на мифологическую тему – «Трагедии Ореста», которая и является предметом настоящей публикации. Поскольку в этой поэме представлена достаточно своеобразная версия мифа, надо прежде всего воспроизвести основные его линии, как он сложился в греческой литературе к концу V в. до н.э.

Исходным моментом являлось убийство сыновьями Пелопа Атреем и Фиестом (в позднем латинском произношении: Тиест) их сводного брата Хрисиппа, за что оба они были прокляты, изгнаны отцом и нашли себе убежище в Микенах. Здесь между братьями разгорелся спор за право на освободившийся к тому времени царский престол, и Фиест рассчитывал выиграть его, обольстив супругу Атрея Аэропу и выкрыв с ее помощью из стада брата золоторунную овечку, владение которой давало право на микенское царство. Однако Зевс встал на сторону Атрея, обман Фиеста был обнаружен, и Атрей отомстил брату страшным образом: пригласив его вместе с малолетними сыновьями на пир, он велел резать детей и подать их отцу в качестве угощения. Распознав обман, Фиест проклял брата – это стало вторым проклятием, тяготевшим над Атреем. Чтобы вырастить мстителя, Фиест, по совету Аполлона, овладел собственной дочерью Пелопией, будучи не признан ею. Родившийся от этого incestуозного союза мальчик был подброшен во владения Атрея и вскормлен нашедшей его козой. Найденного ребенка Атрей усыновил и дал ему имя Эгисф (от греческого слова «коза», корень агу-; в позднем латинском произношении: Эгист). Когда со временем выяснились все подробности дела, Эгисф убил Атрея, и микенским тронм завладел Фиест, после которого он достался сыну Атрея Агамемнону. Женившись на Клитемestre, Агамемнон имел от нее трех детей: дочерей Ифигению, Электру и сына Ореста. Последний был еще грудным младенцем, когда началась Троянская война и Агамемнон был выбран верховным предводителем греческой рати.

В то время как греки готовились к походу, собираясь в Авлиде на берегу Беотии, Агамемнон убил на охоте лань и похвалялся, что такому меткому выстрелу могла бы позавидовать сама Артемида (римская Диана). Оскорбленная богиня наслала на флот противные ветры, мешавшие его выходу под Трою, потребовала себе в жертву Ифигению, и Агамемнону пришлось согласиться на принесение дочери в жертву.

Между тем Эгисф, воспользовавшись отсутствием супруга, соблазнил Клитемestру, что не осталось тайной для жителей Микен. Когда Агамемнон по окончании десятилетней войны вернулся домой, он был убит – то ли одним Эгисфом, то ли с помощью Клитемestры. Часто как убийца мужа выступает сама Клитемestra; во всяком случае, ей отводится первая роль в убийстве пророчицы Кассандры – дочери троянского царя Приама, доставшейся Агамемнону при разделе добычи.

Орест при этом не присутствовал, так как либо был заранее отправлен Клитемestрой к сестре мужа, выданной за царя Фокиды Строфия, либо спасен Электрой и при помощи старого воспитателя укрыт там же. Через семь лет тиранического правления Эгисфа Орест получил в дельфийском храме Аполлона приказание отомстить убийцам отца той же мерой, что поставило его перед необходимостью поднять руку на собственную мать (убийство узурпатора Эгисфа в счет не шло как само собой разумеющееся). Однако, осуществив свой долг, Орест подвергся преследованию эриний, мстивших за пролитие родственной крови. В

храме Аполлона он смог получить только ритуальное очищение, за решением же вопроса, имел ли он право убить, отмщая за отца, собственную мать, он был отправлен в Афины, где в результате рассмотрения в суде Ареопага был оправдан. Однако эринии не оставили свою жертву, и по приказу того же Аполлона Орест в сопровождении двоюродного брата Пилада, вместе с которым он вырос у Строфия, отправился в Тавриду, чтобы выкрасть из тамошнего храма Артемиды и привезти в Грецию ее древнюю статую. Задача оказалась не из легких, так как в Тавриде приносили в жертву богине всех попавших туда чужеземцев, и посвящала их смерти ее жрица, которой была не кто иная как вырванная самой богиней из под жертвенного ножа Ифигения. Узнав во вновь схваченном чужеземце брата, она помогла ему похитить кумир Артемиды и бежала вместе с ним.

С именем Ореста был связан и еще один миф, имеющий только отдаленное отношение к предыдущему. Еще в раннем детстве Орест был помолвлен с дочерью Менелая и Елены Гермियोной, которую, однако, отец во время Троянской войны пообещал в жены Пирру, сыну погибшего Ахилла. По возвращении в Спарту Менелай выдал Гермioniу замуж за Пирра, чем, естественно, вызвал негодование Ореста, и он подстроил убийство соперника все в том же дельфийском храме Аполлона, после чего женился на Гермione. Между тем у Пирра в это время был уже сын по имени Молосс от троянской пленницы Андромахи, вдовы Гектора. Когда Гермioniа бежала с Орестом, Андромаха досталась в жены уцелевшему во время войны другому сыну Приама Гелену, и Молосс со временем получил в свое владение его царство в Эпире. Само собой разумеется, что у разных авторов на протяжении VIII–V вв. до н.э. одни элементы мифа выделялись, другие перетолковывались или совсем опускались, третьи вводились заново.

Так, в «Илиаде» переход власти от Атрея к Фиесту, а от него – к Агамемнону изображен как вполне мирный акт (II. 102–108), среди дочерей Агамемнона не названы ни Электра, ни Ифигения (IX. 144 сл.), и на жертвоприношение последней можно найти только скрытый намек в одном стихе (I. 106). Автору «Одиссеи» известно об убийстве Агамемнона, причем главную роль играет Эгисф, а Клитемestra безусловно обвиняется как изменница и преступная жена, не помешавшая расправе с мужем (IV. 524–537; XI. 424–434). Что касается ее убийства, то прямо о нем не говорится, хотя поведение Ореста расценивается вполне однозначно как справедливая месть (I. 29–43, 294–296), и никакие эринии в это дело не вмешиваются.

У Стесихора (VI в.) в дилогии «Орестея» (дошли только незначительные отрывки) уже использовался мотив жертвоприношения Ифигении, и убийцей мужа становилась Клитемestra. Увидевшая много лет спустя страшный сон, который предвещал месть со стороны Ореста. Последний же получал от Аполлона лук, чтобы обороняться от эриний. Пиндар в XI Пифийской оде (474 г.) тоже называл убийцей Агамемнона и Кассандры Клитеместру и задавался вопросом, что ее к этому побудило: месть за Ифигению или преступная любовная связь и пересуды среди граждан (17–29)? Вопросы эти, правда, оставались без ответа.

У Эсхила в трилогии «Орестея» (458 г.) выступали в сложном переплетении родовое проклятье Пелопидов как некая объективная реальность и субъективные доводы, побудившие Агамемнона принести в жертву Ифигению, а Клитеместру – решиться на убийство супруга. Соответственно она являлась зачинщицей и исполнительницей убийства мужа, и для Ореста необходимость, совершая месть за отца, убить свою собственную мать становилась серьезнейшей нравственной проблемой. Только оправдание Ореста судом Ареопага под председательством Афины знаменовало победу государства над архаическим истребительным законом кровной мести¹⁶.

Софокл и Еврипид (у каждого из них была трагедия «Электра») сосредоточили внимание на переживаниях детей Агамемнона. У Софокла поведение Ореста истолковывалось как исполнение не подлежащей сомнению воли такого непреложного авторитета, как дельфийский оракул Аполлона. Что касается Электры, то, как и у Эсхила, она живет во дворце, испытывает унижительное притеснение со стороны матери и ее любовника и мечта-

¹⁶ См. подробнее Ярхо В. Эсхил. М., 1958. С. 138–184; он же. Драматургия Эсхила и некоторые проблемы древнегреческой трагедии. М., 1978. С. 97–141.

ет о возвращении Ореста, которому оказывает посильную помощь в осуществлении его плана¹⁷.

Иначе – в «Электре» Еврипида, где предложена совсем новая версия. Чтобы обезопасить себя от возможного мстителя – наследника Агамемнона, Эгисф выдал девушку за простого земледельца, который, впрочем, не стал предъявлять на нее супружеских прав. Здесь, в убогой хижине, и находит Орест сестру, сюда приносят труп убитого им во время жертвоприношения Эгисфа, сюда же заманивают ничего не подозревающую Клитеместру, которую Орест сражает ударом меча, но после этого испытывает страшные душевные муки. И появляющийся в качестве «бога с машины» Кастор признает, что мужеубийца заслужила кару, но не родной сын должен был совершать ее своей рукой. В этой трагедии поведение Ореста снова становилось нравственной проблемой, не допускающей однозначного решения, и доказал это сам же Еврипид в трагедии «Орест» (408 г.): начинаясь с изображения душевных мук Ореста, драма завершается трагическим фарсом, в котором Орест в поисках спасения от смертного приговора сограждан пытается убить приехавшую посетить могилу сестры Елены и ее дочь Гермиону, пока конец этой бессмыслице не кладет появление Аполлона. По его приказу Орест должен взять Гермиону в жены, причем никого не интересуя, какие чувства испытывает невеста, только что избежавшая смерти от меча своего жениха.

Тому же Еврипиду обязаны мы оформлением мифа о жертвоприношении Ифигении и ее дальнейшей судьбе. Первой теме была посвящена трагедия «Ифигения в Авлиде» (405 г.), где значительную роль играло письмо Агамемнона, требовавшее приезда Ифигении в Авлиду под предлогом ее обручения с Ахиллом. Вторая тема разрабатывалась в ранее написанной трагедии «Ифигения в Тавриде» (ок. 414 г.). Здесь только случайное стечение обстоятельств позволяло Ифигении узнать в обреченном на заклятие чужеземце родного брата, и сложная интрига позволяла брату и сестре похитить кумир Артемиды¹⁸. Наконец, в трагедии Еврипида «Андромаха» (ок. 424 г.) затрагивались мотивы, которые также будут интересовать нас в связи с поэмой Драконция: похищение Гермионы Орестом и гибель Неоптолема (Пирра) в Дельфах.

Более подробно о соприкосновении или расхождении Драконция с традициями греческой трагедии будет сказано в примечаниях, хотя и остается не решенным до конца уже затронутый выше вопрос, мог ли он пользоваться непосредственно греческими источниками (см. выше, прим. 10)? При таком положении дел особое значение приобретает восходящая к тем же грекам, но в любом случае вполне доступная Драконцию латинская традиция, следы которой в его «Трагедии» очевидны.

Так, Драконций несомненно знал трагедию Сенеки «Агамемнон», воспроизводящую в основном сюжетную линию одноименной трагедии Эсхила¹⁹. Однако у Сенеки гораздо подробнее изображен процесс созревания решения Клитеместры, в котором немалую роль играет месть Агамемнону за его любовные утехи с Кассандрой. Близко к греческому оригиналу воспроизведены и мрачные пророчества самой Кассандры. Первый удар царю наносит Эгисф, к которому тут же присоединяется Клитеместра. Что касается Ореста, то Электра успевает вручить его Строфию, приехавшему поздравить Агамемнона с победой, но попавшему к трагическому финалу. Знал Драконций, как это видно из лексических заимствований, и другие трагедии Сенеки, и не только имеющие отношение к теме его поэмы («Фиест» и «Троянки»).

Определенную помощь в конструировании сюжета могли оказать Драконцию всякого рода мифологические справочники, распространенные в Греции по меньшей мере с III в. до н.э. и переведившиеся впоследствии на латинский язык. До нас дошел под именем Гигина подобный труд, составленный во II в. н.э.; в нем в виде отдельных рассказов вкратце излагалось содержание многих десятков мифов, и в том числе, конечно, столь распространенного, как миф об Агамемноне и Оресте. Здесь Драконций мог найти сведения о «пире

¹⁷ См. *Ярхо В.Н.* Античная драма. М., 1990. С. 29–47.

¹⁸ Там же. С. 48–64.

¹⁹ В эпоху Республики история Агамемнона и Ореста не раз обрабатывалась в римской трагедии (у Энния и Акция), однако не известно, сохранились ли целиком их произведения ко времени Драконция.

Фиеста» и о подобранном пастухами Эгисфе, о жертвоприношении Ифигении и ее последующей встрече с Орестом в Тавриде, не говоря уже об убийстве Агамемнона и последующей мести Ореста. Что касается присоединенной Драконцием к основному сюжету истории об убийстве Пирра, то здесь известную помощь могла оказать ему VIII «Героида» Овидия: письмо Оресту от Гермiony, томящейся в неволе у ее похитителя.

Проследим теперь, как разворачивается содержание поэмы у Драконция. Вступление (1–24), выдержанное по всем правилам риторики, не только свидетельствует о хорошей подготовке Драконция в этой области (это можно сказать почти о каждом из разделов поэмы), но и с самого начала определяет контрастность повествования, в котором победа превращается в кровопролитие, триумф оборачивается кошмаром.

Следующие за вступлением стихи (25–44) настраивают читателя на мирный лад: возвращающийся из-под Трои Агамемнон озабочен тем, какие дары он принесет богам и какие подарки сделает жене и детям. О страшной буре, которая обрушилась на греческий флот на обратном пути и привела к гибели одних и рассеяния других, упоминается только вскользь (см. ст. 42 и прим.), и уцелевший Агамемнон спокойно отдает распоряжение остальным кораблям плыть прежним путем, обещая тут же последовать за ними.

Местность, куда занесло флот Агамемнона, оказывается Тавридой, – Драконций вводит совершенно новый мотив, нигде до него не представленный: встречу царя с Ифигенией, которую все считают давно погибшей на жертвенном алтаре (44–107). Впрочем, радость отца омрачает гневный отказ Дианы вернуть ему вновь обретенную дочь, – это можно считать одним из первых предзнаменований того, что боги отвратились от удачливого полководца.

Только теперь (108–132) читатель переносится в Микены и видит охваченную тревогой Клитеместру, которую терзают противоречивые чувства: страх перед расплатой и надежда, что Агамемнон не вернется, поскольку флот прибыл без него. Монолог Кассандры (133–152) отрезвляет царицу. В отличие от ранних версий, где Кассандра пророчит смерть Агамемнона в отсутствие Клитеместры, у Драконция она при всем стечении народа бросает жесткие слова прямо в лицо преступной жене, чем, с одной стороны, вынуждает ее к окончательному решению, с другой, – вселяет в людей надежду на грядущее отмщение за Агамемнона (ср. 512 сл., 653). О судьбе же самой Кассандры мы на протяжении всей поэмы больше ничего не услышим.

Очередным нововведением является следующий большой эпизод, в котором Клитеместра убеждает Эгиста²⁰ убить царя и составляет план действий (153–238). Конечно, и в других трагедиях Клитеместра объясняла мотивы, подтолкнувшие ее к преступлению. – правда, уже после убийства или много лет спустя; у Сенеки она в разговоре с Кормилицей тоже отстаивала необходимость «превентивных действий», но там Эгист убеждал свою любовницу. У Драконция они меняются ролями.

Сцена возвращения и убийства Агамемнона (239–270) в особых комментариях не нуждается; она, в общем, достаточно традиционна, разве только сама расправа с царем изображена с отвратительной натуралистичностью, в которой наш поэт превосходит даже Сенеку.

После небольшого размышления о ненадежности человеческого счастья (271–283) Драконций выводит, наконец, персонаж, по которому названа поэма: Электре удастся вывезти Ореста в Афины и самой его сопроводить (284–304). Здесь у позднего автора все необычно: и то, что Электра покидает родину вместе с братом; и то, что она укрывает его не у Строфия, а в Афинах – прославленной «школе мудрости» всей Эллады, каковой они стали не ранее V–IV вв. до н.э. и оставались почти до конца Римской империи. Для времен Агамемнона эта их слава, конечно, – совершенный анахронизм. Оставив Ореста с Пиладом, чье пребывание в Афинах – тоже новый мотив, Драконций надолго возвращается в Микены, начиная опять с новшества: чтобы угодить Эгисту, Клитеместра советует ему, как привлечь на свою сторону микенскую знать (305–337). В то время как верные слуги

²⁰ Читателю придется примириться с тем, что в дальнейшем греческие имена собственные, содержащиеся в (тэту), при анализе текста Драконция и в примечаниях передаются в представленной у него форме (т.е. Эгист, Тиест).

Агамемнона втайне осуждают его убийство (338–349), старый воспитатель Ореста Дорилай приносит ложное известие о буре, в которой якобы погибли дети Агамемнона (350–381).

Следующая за этим «тронная речь» Клитемestры (381–413) напоминает ее диалог со старейшинами в эсхиловском «Агамемноне» (1400–1549), но значительно ближе к повседневности: нет ни слова о родовом проклятье Пелопидов, о мести за Ифигению, – царица явно хочет выглядеть не орудием мести божественных сил, а избавительницей своих подданных от бедствий войны. Зато Драконций не жалеет красок для изображения тиранического поведения Эгиста (413–426).

Долголетняя всеобщая скорбь соотечественников Агамемнона служит поводом для того, чтобы Дорилай обратился к духу убитого господина с просьбой о помощи в отмщение преступникам (427–499), – это достаточно традиционный мотив, чего нельзя сказать о звучащей из могилы ответной речи царя (500–514).

Впрочем, своей цели Дорилай достигает: в эту же ночь призрак Агамемнона является в Афинах во сне Оресту и Пилладу (515–551). Вмешательство потусторонних сил в судьбу смертных – само по себе не новость в античной литературе, но Агамемнону эта роль нигде до Драконция не поручалась. Заметим также, что призыв покойника обращен и к Пилладу, который никакими обязательствами перед убитым не связан, и с этого момента Пиллад приобретает гораздо более значительную роль в осуществлении мести, чем во всей предшествующей традиции. Вызванные появлением призрака колебания Ореста, решительное вмешательство Пиллада (552–627) – всему этому можно найти предвестие в греческой трагедии, с той только разницей, что у Драконция Пиллад, призывая к мести Ореста, берет на себя роль еврипидовской Электры. Впрочем, состояние Ореста в момент принятия столь ответственного решения в самом деле нуждалось в достаточно серьезном обосновании.

Путь обоих друзей в Микены приводит их к совершенно непредвиденной встрече с Дорилаем (628–644). Каким образом он оказался среди тех глухих тропинок, которые выбрали наши герои, остается загадкой, и многие исследователи считают эту сцену ненужной. С этим едва ли можно согласиться. Признавая всю искусственность встречи, нельзя отрицать, что своими словами Дорилай еще больше укрепляет дух юношей, а вернувшись в Микены, готовит благоприятную обстановку для их появления там (645–681).

В дальнейшем нас ожидают опять новшества: домочадцы узнают Ореста, и некая рабыня успевает предупредить Эгиста и Клитемestру о приближении мстителя (682–709), – до этого он всегда появлялся инкогнито, расправу над Эгистом совершает Пиллад (710–728)²¹. – до Драконция это оставалось прерогативой Ореста. В диалоге сына с матерью (729–794) несколько неожиданной является дискуссия о том, где ей следует испустить последний вздох; необычно и ее поведение в минуту смерти. Из стихов, завершающих эту часть поэмы (795–802), становится ясно, что Оресту не грозит осуждение со стороны его сограждан.

Здесь в развитие действия вмешивается новый мотив, необязательный для того, чтобы представить дальнейшую судьбу Ореста: спор за Гермionу и убийство Пирра (803–819), которые в дальнейшем приведут к тому, что обвинителем Ореста перед судом Ареопага выступит Молосс, не имеющий к Оресту никакого отношения во всей предшествующей традиции. Впрочем, суд Ареопага еще дело будущего, пока же автор возвращает читателя к судьбе Ореста: явившийся призрак матери доводит его до безумия (820–861). Нетрудно понять, что Драконций поручает Клитемestре ту роль, которую в греческой трагедии играли эринии, преследовавшие Ореста как до суда, так и после – именно чтобы спасти его от них, и посылал Аполлон Ореста в Тавриду. У Драконция в далекие края отправляет Ореста Пиллад, а поводом служит как раз появление Молосса, требующего Ореста к ответу (862–866).

Дальше начинается скороговорка: пребывание полубезумного Ореста в Тавриде, его узнавание Ифигенией, очищение и бегство вместе с ней занимают всего-навсего 20 стихов, причем так и остается непонятным, зачем Ифигения похищает кумир Дианы (867–889). Речи сторон перед судом афинских старейшин, построенные обе по правилам риторики, акценти-

²¹ Эту роль поручит ему полторы тысячи лет спустя Г. Гауптман в трагедии «Электра» – однако едва ли под влиянием Драконция.

руют различные моменты: Молосс оценивает поступок Ореста с точки зрения человеческого права. Орест особенно настаивает на благоволении к нему богов (890–938). Впрочем, ни одному из них не удастся убедить в своей правоте большинство судей: голоса делятся пополам, и только голос, поданный Минервой в защиту Ореста, решает его судьбу (939–962). Завершает поэму обращение к богам с просьбой положить конец всяким преступлениям среди эллинов (963–974).

Из обзора развития действия в «Трагедии Ореста» возникают по меньшей мере три вывода.

Первый: по содержанию поэма соответствует, в общем, охвату событий в «Орестее» Эсхила, но прибавляет к ним ряд эпизодов, которые не способствуют ее целостности. Сюда относятся: встреча Агамемнона с Ифигенией (44–107), не оказывающая никакого влияния на дальнейшее развитие действия; советы Клитемestры Эгисту, как с помощью женских чар привлечь на свою сторону микенскую знать (305–337), – никаких последствий эти предложения не имеют; выдуманный рассказ Дорилая о гибели детей Агамемнона (350–381), – непонятно, в чем его смысл, если Орест и Электра уже находятся в безопасности; похищение Гермiony Пирром и месть Ореста, не имеющие никакого отношения к его долгу мести за убитого отца (803–819); наконец, остается столь же непонятным, зачем Пилад посылал Ореста в Тавриду, если по возвращении его ожидает тот же Молосс (865 сл., 887–889).

Все эти несогласованности породили среди многих исследователей мнение, что поэма Драконция носит чисто декламационный характер, при котором каждый эпизод представляет самостоятельный интерес для исполнителя и для слушателей. С тем, что изображение отдельной сцены подчас больше увлекает автора, чем подчинение ее целому, спорить не приходится. В то же время почти каждому отступлению от основной линии повествования можно найти и другое объяснение, показывающее, что Драконций был не совсем беззаботен, создавая необычные ситуации.

Так, встреча Агамемнона с Ифигенией дает автору возможность представить его в достаточно благоприятном свете. Советы Клитемestры по части снискания расположения у знати открывают еще одну черту ее характера – известное умение действовать не вооруженной рукой, а дипломатическим путем. Рассказ Дорилая может объяснить беспечность узурпаторов перед лицом неизбежной мести – чего им бояться, если Орест погиб (ср. 708 сл., 729 сл.; см. также ст. 353 и прим.)? Что касается мести Ореста за похищение Гермiony и вмешательства Молосса, то выбор этой фигуры объясняется тем, что наш поэт не хотел прибегать к участию в тяжбе таких божественных сил, как эринии и Аполлон, поскольку проблематика их спора у Эсхила (конфликт между патриархальным и матриархальным правом, между старыми и молодыми богами, замена кровной мести приговором государственного судилища) была Драконцию совершенно чужда, если не сказать, недоступна. Наконец, бегство Ореста в Тавриду дает возможность совершить над ним очищение Ифигении, а не Аполлону в его дельфийском храме, как это было опять же у Эсхила.

Здесь мы подходим ко второму выводу: к судьбе участников «Трагедии Ореста» божественные силы, по существу, непричастны. Отказ Дианы возвратить на родину Ифигению – случайный мотив, не играющий в дальнейшем никакой роли. Клитемestра не апеллирует к богам, якобы творящим ее руками наказание Агамемнона за жертвоприношение Ифигении и разорение троянских святынь. Ореста призывает к мести не оракул Аполлона, а призрак отца, и юноша не ищет очищения в дельфийском храме. Преследуют его не эринии, а тень убитой матери, и в Тавриду посылает его вовсе не Аполлон, а Пилад. Голосуя за оправдание Ореста, Минерва ничем не мотивирует своего решения, которое к тому же не имеет практического значения: при равенстве голосов обвиняемый считался по античному праву оправданным, и судьям приходится только делать вывод о том, что небесное милосердие – на стороне матереубийцы.

Эти соображения афинских старейшин побуждают некоторых исследователей искать в поэме Драконция влияние христианского мировоззрения: милостивый бог способен-де простить даже самого страшного грешника, если он раскаивается в содеянном. Однако в поведении Ореста у Драконция нет ничего похожего на раскаяние и готовность к искуплению своей вины. Во всей поэме нет ни малейшего намека на некоего единого бога, распоряжа-

ющегося жизнью смертных; в конце ее речь идет о том, что наряду с Юпитером-Громовержцем (953, 963) боги, чья власть совершенна, даровали избавление Оресту²². Уже одно то, что боги и до этого всегда упоминаются во множественном числе²³, избавляет Драконция от подозрения в желании подчинить судьбу своего героя христианскому богу. Правда, боги, к которым он обращается в конце, собственно, даже не боги, а персонализации честности, сострадания и т.д., но олицетворение веры, согласия, дружбы и т.п. моральных свойств вполне в духе римской религии. А уж воззвание к «небесной любви, свойственной природе» (358), и к самой природе – «общей матери всех вещей», к полюсам, элементам, подземному чреву (775 сл.) и вовсе плохо вяжется с христианской идеологией.

Третий вывод из развития действия в поэме тесно связан с предыдущим: отсутствие божественного вмешательства дает полную свободу проявлению индивидуальных свойств участников трагедии, и в изображении их чувств состоит, пожалуй, самая сильная сторона Драконция. На первое место здесь должен быть поставлен, конечно, образ Клитеместры. Определяющая черта ее характера – преступная страсть, испытываемая к Эгисту (117, 128, 504), хотя сама царица сознает, что это чувство навлекло на нее несмываемый позор (177–179). В отношениях между любовниками Драконций подчеркивает чувственную сторону (228–231, 453–455, 620). Потеря Эгиста для Клитеместры страшнее смерти (123, 168 сл.) – отсюда возникает мысль об убийстве Агамемнона и план преступления, к которому она усиленно побуждает Эгиста (163–203, 209–218), и сама ему помогает (250–257). Она и в смерти хочет не различаться с любовником (755–760).

В то же время Клитеместра не без достоинства берет в руки бразды правления, выдвигая вполне здравые обвинения по адресу мужа, обескровившего войной свое царство (384–411), и также не без достоинства принимает смертельный удар, впервые в жизни испытывая чувство стыда (786–789). Никакой роли в поведении преступной царицы не играет ни воспоминание об Ифигении, ни ревность, которую могло бы вызвать появление царской наложницы, – напротив, Драконций ограничивает роль Кассандры прорицанием (137–151) и специально подчеркивает, что пленницу никто не обижал (133–135). Клитеместрой руководят исключительно человеческие эмоции – преступная страсть, страх разоблачения и наказания.

Любовь Клитеместры тем более заслуживает осуждения, что предмет ее отнюдь не достоин таких чувств. Эгист у Драконция – вовсе не мститель за преступление Атрея; напротив, всячески подчеркивается его низкое происхождение (см. ст. 139 и прим., а также ст. 426 сл.). Он трус, пробравшийся к царскому ложу (140 сл.), и только страх заставляет его подчиниться воле Клитеместры (220–223, 258, 276, ср. 700). Зато, придя к власти, он проявляет себя как заносчивый и жестокий тиран, под чьей властью стонут его подданные (314 сл., 413–424, 458 сл., 546–550). Царский дом Эгист опозорил развратом (646–650), и его убийство никто не воспринимает с осуждением (802).

Полным контрастом фигуре Эгиста выступает Агамемнон. В отличие от Эсхила, видящего объективную вину царя в «гибели многих» и в первую очередь Ифигении, Драконций прославляет его победу над Троей (25–29, 239–244). Обвинительная речь Клитеместры перед народом не встречает одобрения: слуги по-прежнему верны памяти своего владыки (338–349, 453–458, 651 сл.). По мере возможности снимается с Агамемнона обвинение в жертвоприношении Ифигении: оно произошло-де почти без его ведома, с помощью подложного письма, посланного в Микены Одиссеем. При встрече с Ифигенией царь испытывает чувство глубокого раскаяния: не помнит зла и отправленная под жертвенный нож дочь, и при встрече оба заливаются слезами радости (60–83). Агамемнон – примерный супруг и отец, позаботившийся о подарках жене и детям (35–40), и защитник святыни брака (165 сл.). На его связь с Кассандрой нет ни малейшего намека. Не забывает Агамемнон своего долга и перед богами, которым приносит обильные дары (31–34, ср. 86–101). И в его судьбе никакой роли не играет наследственное проклятье дома Пелопидов, о котором, не в пример греческим трагикам, во всей поэме Драконция нет ни слова.

²² 917, 922, 924, 929, 935, 937, 947, 956, 963, 973.

²³ См. 9, 35, 279, 357, 465 сл., 739, 483, 860, 895.

Что касается образа Ореста, то уже одно его пребывание в Афинах (291–301, 516–519) составляет резкий контраст полному умолчанию о годах его отрочества у Строфия в предшествующей традиции. Сдружившись с Пиладом, Орест и не помышляет о мести за отца, пока его не призывает к ней тень покойного (515–540). Разумеется, необходимость поднять меч на родную мать вызывает в юноше глубокие сомнения; Драконций описывает их с подробностями, до него совершенно несслыханными (557–580). Греческие трагики изображали душевные муки Ореста после убийства Клитемestры; чаще всего их приписывали воздействию эриний. У Драконция Ореста преследует призрак матери, и все его мучения носят характер реального психического сдвига. Можно поставить в вину нашему поэту известную непоследовательность: доводы Пилада (583–615) почему-то оказываются сильнее, чем призыв тени Агамемнона. Но, приняв решение, Орест остается верен ему до конца, и никакие жалобы матери не могут отвратить его от исполнения долга мести (616–621, 687–692, 745–752, 761–772).

Подводя итог, можно сказать, что для Драконция все события, происшедшие в доме Атридов – чисто человеческая трагедия измены и мести, в которой роль внешних – божественных – сил сведена до минимума, хотя наш автор, имевший перед собой образец трагедий Сенеки, не мог, конечно, отказаться от участия в действии хотя бы призраков Агамемнона и Клитемestры.

Впрочем, влияние римской поэзии золотого и серебряного веков отнюдь не ограничивается введением ряда сюжетных мотивов, на что даются указания в примечаниях к переводу. Там же читатель найдет и многочисленные отсылки к текстам римских авторов²⁴, которых Драконций цитирует часто дословно, иногда, может быть, даже совершенно бессознательно, как языковые клише, бывшие на слуху у каждого образованного человека. К тому же считалось даже своего рода шиком в произведении, рассчитанном на достаточно подготовленную аудиторию, припомнить к месту подходящий пассаж из своих предшественников, успевших к этому времени стать классиками. На первом месте среди них – Вергилий как эталон героического эпоса, но хватает заимствований также из Сенеки, Овидия, Стация и других авторов. В результате словесная ткань поэмы представляет собой достаточно своеобразный сплав эпических и риторических элементов.

Эпический колорит Драконций старается воспроизвести сравнениями. Иногда – по всем правилам эпической техники, с двойным «так» (265–269, 631–638) или просто с вводным «так» (224–226, 242–244, 796 сл., 856–859); иногда он в качестве довода или для сравнения обращается к именам героев прошлого, вспоминая Медею, Алкестиду, Эвандру, Ахилла, Гектора, Пирра. Не избегает автор многократного повторения на ограниченном пространстве важных для него слов. – прием, отчасти напоминающий технику лейтмотивов в архаической греческой поэзии²⁵.

Однако гораздо больше, чем эпическому стилю, отдает автор дань риторике, о чем свидетельствует его приверженность речам персонажей: на 974 стиха поэмы приходится около 500 строк, произносимых кем-либо из ее участников. Не приходится уж говорить о собственно риторических приемах, которые читатель встретит в изобилии на всем протяжении поэмы. Приведем здесь только самые яркие примеры. Анафоры: 467–471, 595–597, 846–848; накопление однородных членов, часто – бессоюзное (558–560, 775 сл.), иногда – с определениями (910 сл.); оксюморон: целый букет их – в прологе (1, 7–10, 15, 19); антитезы: 80, 441, 444. Если современному читателю такой стиль и покажется искусственным, он тем не менее отвечал вкусам той эпохи, когда писал Драконций.

Для нас же его поэма – свидетельство необычного подхода к мифу о доме Атридов, в котором каждая эпоха находила что-то свое или вносила в него новшества или неожиданные толкования. Не составляет в этом смысле исключения и Новое время. Мы найдем

²⁴ Цитаты из произведений, переведенных на русский язык, приводятся по существующим изданиям Вергилия, Овидия, Сенеки и т.д.; для читателя, желающего проверить ссылки, не снабженные цитатами, не составит труда воспользоваться теми же изданиями. Во всех остальных случаях перевод цитат принадлежит составителю примечаний.

²⁵ Ср. трехкратное повторение в пределах одного-двух стихов: «вождь» (25), «Кассандра» (512 сл.), «мать» (850 сл.).

здесь и попытку освободить Ореста от ответственности, объяснив убийство Клитемстры случайностью («Орест» Вольтера, 1750), и – еще почти два века спустя – решить проблему ответственности и свободы выбора в духе философии экзистенциализма («Мухи» Сартра, 1944), и полную дегуманизацию мифа, ведущую к саморазрушению личности («Евмениды» Леконта де Лиля, 1873; «Траур к лицу Электре» О’Нила, 1931; «Электра» Гауптмана, 1944). Встретим мы и самого Ореста, желающего вовсе избежать и вины и ответственности – в поставленной на Бродвее в 1960 г. пьесе совершенно не известного у нас американского драматурга Джека Ричардсона. Но это – уже другая тема.

* * *

«Трагедия Ореста» дошла до нас в двух рукописях (в обеих – без имени автора): *codex Bernensis 45 (B)*, IX в., и *codex Ambrosianus O 74 sup. (A)*, переписанный во второй половине XV в. с рукописи, которую привез в Италию итальянский гуманист Энох из Асколи, обнаруживший ее во время своего путешествия в Скандинавию в 1451–1455 гг. Первая из них является гораздо более надежной, поскольку переписчик, не знавший, судя по характеру ошибок, латинского языка, тем не менее, крайне бережно копировал более ранний экземпляр. Во второй, восходящей, в конечном счете, к той же рукописной традиции, что и **B**, значительно больше ненужных поправок и конъектур, искажающих первоначальный текст; в отдельных случаях, впрочем, текст в **A** дает более предпочтительное чтение, чем в **B**. Кроме того, около 20 разрозненных стихов, преимущественно назидательного характера, как, например, 279–281 или 927–928, сохранилось в четырех антологиях XIII–XIV вв., восходящих к некоему прототипу XI или XII в. и иногда помогающих уточнить чтение двух полных кодексов. Несмотря на достаточно раннее происхождение рукописей **B** и **A**, особенно – первой из них, полный текст «Трагедии Ореста» был впервые опубликован (также без имени автора) только в 1858 г.¹, хотя и до этого были известны два отрывка из нее, тоже анонимные: ст. 1–53² и 752–770³. В последовавших затем изданиях в результате стилистического анализа было установлено, что поэма была написана в конце V – начале VI в. в Африке, а в 1871 г. уже известный нам Анджело Май, издав «Трагедию Ореста» вместе с другой поэмой на мифологическую тему, «Похищение Елены», принадлежащей Драконцию, высказался в пользу авторства этого поэта и в отношении «Трагедии Ореста». Дальнейшие исследования подтвердили ее родство с другими мифологическими поэмами Драконция, так что с начала 80-х годов XIX в. окончательно утвердилось мнение об его авторстве.

За неполных полтора столетия, прошедших со времени первого издания «Трагедия Ореста» издавалась – отдельно или вместе с другими произведениями Драконция – свыше 10 раз. Итоговым для XIX в. следует считать издание Фольмера⁴, снабженное обширным филологическим и справочным аппаратом, для XX в. – Ж. Буке и Э. Вольфа в известной серии «Collections des Universités de France»⁵ с вводной статьей, обстоятельнейшими примечаниями и французским переводом. По этому изданию и выполнен, за редкими исключениями, оговоренными в примечаниях, настоящий перевод. На русский язык «Трагедия Ореста» не переводилась, не считая отрывка, включенного в «Scythica et Caucasia» (Т. II. Вып. 2. С. 431 сл.) и перепечатанного в ВДИ за 1949 г. № 4. С. 29 сл.

Укажем в заключение на аналитическую библиографию, отражающую результаты изучения творчества Драконция на протяжении XX в.: *Studi Draconiani* (1912–1996). A cura di L. Castagna. Napoli, 1997. «Трагедии Ореста» здесь посвящены с. 42–69⁶.

¹ *Carmen epicum inscriptum Orestis tragedia quod ex codicibus Bongarsiano et Ambrosiano primum edidit C.W. Müller. Rudolstadt, 1858.*

² *Mai A. Spicilegium Romanum. I. Romae, 1839. P. XXIV–XXVI.*

³ *Sinner J.R. Catalogus codicum mss. Bibliothecae Bernensis. T. I. Bernae, 1760. P. 507–508.*

⁴ *Vollmer Fr. Dracontii Orestis tragoedia // Monumenta Germaniae historica. T. XIV. Berolini. 1905 (repr. 1961). P. 197–226.*

⁵ *Dracontius. Oeuvres. Tome III. La tragédie d’Oreste. Poèmes profanes I–V. Introduction par J. Bouquet et E. Wolff. Texte établi et traduit par J. Bouquet. P., 1995.* Здесь читатель найдет и более подробные сведения об истории текста и изданиях «Трагедии Ореста» (с. 8–9, 79–80).

⁶ Возможность ознакомиться с этой книгой я получил благодаря помощи д-ра М. Хойса и Т. Шмидта (Католический университет в Лувене, Бельгия), которым приношу здесь свою искреннюю благодарность.

- Петь буду мрачную радость, триумф, проклятья достойный⁸,
 вместо победы – убийство, праздник, забрызганный кровью,
 смерти желанье, плачевный обет той супруги троянской⁹,
 что не сумела сама зарезать владыку Атрида;
- 5 лавром увитый венец, окрашенный царственной кровью,
 и диадему вождя, оскверненную мозгом разлитым¹⁰.
 Буду Ореста я петь, кто помнил в беспамятстве матерь.
 кто в благочестье бесчестен, кто беспорочно порочен;
 разум жестокий богов, несправедливых по праву,
- 10 и без вины виноватого; храм отдаленный фракийский¹¹,
 где от сестер¹² был очищен, где брату спасенье от бойни
 благочестивым обманом и ложью сестра¹³ подарила.
 Ты, Мельпомена, сойди¹⁴ с трагедийных высоких котурнов,
 ямб пусть умолкнет, – пора зазвучать дактилическим
 стопам:
- 15 дай мне силу напомнить о славе сыновней преступной
 и осужденного сестрами в мненье народном очистить, –
 скорбь опалает его, гонит стыд, гнев вздымает; страданья
 ум и душа облеглают, натиск гнетет благородный

⁷ Заголовок поэмы давно служит предметом полемики. Одни исследователи считают, что слово «трагедия» в нем принадлежит не Драконцию, а позднему переписчику: ведь автор сам призывает Мельпомену сойти с трагических котурнов и уступить место дактилическим стопам (13–14). Это мнение как будто бы подтверждается и заголовком в ркп А: *Horestis fabula ab Enoch Asculano reperta* – «Рассказ об Оресте, найденный Энохом из Асколи». Другие исследователи принимают понятие «трагедия» в заголовке как определение не жанра, а произведения с возвышенным содержанием – такое понимание термина встречается уже у Цицерона (Оратор. I. 51), а затем и у более поздних авторов. К этому можно прибавить, что многие монологи и диалоги в поэме носят вполне драматический характер, ничуть не уступая в этом смысле соответствующим частям трагедий Сенеки. Не так давно была даже сделана попытка обнаружить в «Трагедии Ореста» три следующих друг за другом трагедий, каждая в пяти актах, а первая – к тому же с участием хора. Если же оставить в стороне крайности, то вовсе не исключено, что Драконций, называя свою поэму трагедией, мог предназначать ее для публичных рецитаций (ср. прим. к 616–621), в которых еще со времен ранней Римской империи звучали монологи из трагедий Сенеки, или для домашнего чтения – такая возможность тоже предполагается по отношению к трагедиям того же Сенеки. Таким образом, едва ли есть серьезные поводы сомневаться в подлинности названия, дошедшего в ркп В: *Incipit Orestis tragoedia* – «Начинается "Трагедия Ореста"».

⁸ Ст. 1–12 содержат перечисление основных мотивов поэмы: 2, 5 сл. – убийство Агамемнона, 7 сл. – мечь Ореста. 10–12 – его очищение и оправдание. При этом судьбе отца и сына посвящено по 6 стихов (1–6: Агамемнон, 7–12: Орест).

⁹ Имеется в виду пророчество Кассандры, предвидевшей свою смерть. У Драконция этот мотив только назван здесь, в дальнейшем он не используется. Супругой Агамемнона Кассандра не была, а досталась ему при разделе добычи, взятой в Трое, как наложница. Впрочем, уже Сенека отождествлял эти два статуса, называя Кассандру пленной супругой и одновременно наложницей (Ag. 1002). Не собиралась Кассандра и *зарезать* Агамемнона, хотя не без радости ожидала его смерти как расплаты за разорение Трои. См. *Eurip.* Tro. 359–364, 404–405, 460–461; *Sen. Ag.* 720–759, 867–874, 1005–1009.

¹⁰ Ср. 262.

¹¹ *Храм... фракийский.* – В ркп В – лишнее слова *templa tertia*. в ркп А – *Thracia*. Конечно, Фракия и Таврида (см. 44) – не одно и то же, но географические познания Драконция не отличались точностью. См. 109, 491 и прим.

¹² *От... сестер* – фурий (греч. эриний, которые в афинской трагедии преследуют Ореста, ввергая его в безумие: *Aesch. Cho.* 1048–1062; *Eurip. Iph. T.* 289–308; *Or.* 253–279). Ср. 16; *Drac. Med.* 448.

¹³ *Сестра* – Ифигения, которая спасла Ореста *ложью*: 878–886.

¹⁴ *Ты, Мельпомена, сойди.* – Драконций хочет сказать, что он берется описать эпическим размером (дактилическими стопами) события, которые служили предметом изображения в трагедии, пользовавшейся ямбом.

- (ярость святая ль вручает оружие, преступная ли святость?);
- 20 страсти его к исцеленью¹⁵ толкают, чтоб прежнюю почесть
восстановить, возродив оружие побед погребенных¹⁶.
Тот, кто отмстил за вину, изуродован новой виною,
тот, кто отмстил за жену¹⁷, на глазах у жены погибает,
и перед спальней на страже – супружеской спальни
любитель¹⁸.
- 25 Вождь над вождями и царь на царями¹⁹, сам вождь
Агамемнон.
после двух люстров²⁰ вернувшись и дважды триумфом
прославлен,
царь всемогущий, владыка, властитель Марсовых ключей,
на аргонидских кормах перенес Пергам²¹ побежденный,
дев илионских толпу, матерей троянских потомство.
- 30 Царь, про себя исчисляя богатство страны покоренной,
дар назначал величайший громов и молний Владыке
и приношение лучшее – в пользу Юноны великой;
дар присуждал он Афине (иначе – богине Минерве),
также всем прочим богам, что грекам в войне помогали.
- 35 О преступленьях не зная жены, о коварстве Эгиста,
царь Клитеместре, того не достойной, подарок готовил;
больше даров назначает с улыбкой родитель Оресту,
верный отцовской любви и узам священным рожденья, –
все же не равных сыновним заслугам в грядущие годы;
- 40 дочери чистой своей²² приберег дорогие подарки.
Но между тем, как свой путь через спокойные глади лазури
держит, накинудись ветры по воле гневного бога²³;
ветры, по морю бродящие, ткань парусов надувают,
но не туда их ведут, куда плыли, а к берегу Тавриды

¹⁵ К исцеленью. – Ср. 923.

¹⁶ Оружие побед погребенных, – т.е. меч Агамемнона как символ его власти.

¹⁷ Отмстил за вину... за жену – Агамемнон, отмстивший за похищение Елены; ср. 167, 507 сл. На глазах у жены – Клитеместры.

¹⁸ Эгист. – Ср. *Sen. Ag.* 299–300.

¹⁹ Вождь над вождями. – Ср. *Sen. Ag.* 39: «Вождь над вождями, Агамемнон, царь царей».

²⁰ После двух люстров – анахронизм: люстром определяли промежуток времени в 5 лет римляне. Ср. *Sen. Ag.* 624: «Дважды пять лет держалась Троя». *Дважды триумфом прославлен.* – Здесь Драконций отдает дань тому варианту мифа, по которому греческое войско сначала попало в Мизию, а затем вернулось в Элладу, чтобы через десять лет снова отправиться под Трою. Версия эта получила отражение в II. XXIV. 765 сл., а из позднейшей литературы – у Аполлодора (*Erit.* III. 17, 19), однако она приходит в противоречие с представлением о десятилетнем отсутствии Агамемнона. *Триумф.* в отличие от ст. 1, где он имеет обобщенное значение «победы», здесь, как и в 464 и 648, – совершенно римское понятие, предполагающее торжественный въезд полководца победителя в город. В дальнейшем, однако, прибытие Агамемнона никаким триумфом не сопровождается.

²¹ На аргонидских кормах. – Ср. *Drac. Ach.* 66. *Перенес Пергам.* – Т.е. нагрузил свои корабли (ср. 636) военной добычей. Ср. *Sen. Ag.* 204–206. Пергам – другое название Трои, употребительное в римской поэзии.

²² Дочери чистой своей – Электре.

²³ По воле гневного бога. – *Deus* (бог) может означать также и богиню, и в этом случае больше всего подходит Минерва, наславшая на греческий флот ночную бурю. От объяснения причин этого божественного гнева (разорение троянских храмов, богохульство Аякса Оилеида) и от подробностей в описании бедствия, постигшего греков (ложные огни, зажженные Навплием), Драконций воздерживается, не желая отягощать судьбу Агамемнона мрачными воспоминаниями (ср. *Aesch. Ag.* 648–660; *Eurip.* *Тро.* 69–94; *Hel.* 1126–1136; *Sen. Ag.* 465–578; *Apold.* *Ep.* VI. 7; *Hug.* 116; *Quint. Sm.* XIV. 611–628). Некоторые исследователи полагают, что под богом Драконций разумел Диану, якобы все еще продолжающую гневаться на Агамемнона за жертвоприношение Ифигении. Однако акция эта была предпринята как раз для того, чтобы умиловать богиню, – за что же ей гневаться?

- 45 Австр²⁴ корабли пригоняет пеласгов²⁵, их путь изменивши.
Царь, не смущаясь, велит отправить добычу в Микены, –
сам будет следом за ней, исполнив обеты Диане:
благоевейно взывая к могуществу Девы-богини,
в храм он вступает с мольбой, к алтарю поспешая с дарами
50 (пурпурным цветом сияли полотна шелковых тканей,
пеплос ярко искрился узором камней драгоценных), –
вдруг Ифигению видит с курильницей – ношей священной.
Царь замирает, и взгляд пораженный вперяет он в деву:
мыслью отцовской вину прежних дней²⁶ осознав, цепенеет.
55 Ту, что под жертвенный нож он послал ради войска данайцев,
царь в ней узнал, полагая, что схожая с нею родилась.
Чистая дева меж тем признавать отца начинает
и помогает ему в совершении быстром обряда, –
взятую вазу²⁷ огнем наполняет она негасимым.
60 Вот уже дева-царевна на шее отцовской повисла²⁸,
вот поцелуями чистыми дарит и их получает,
ливень святой орошает отца и девы ланиты.
Молча отец проливает нежданной радости слезы
и прерывает лобзаньем череду непрерывную стонов;
65 сила отцовской любви путь словам, наконец, отворяет:
«Дочь моя, наша любовь, и мое, о дитя, преступленье, –
ты ль мне живую предстала, иль тень лишь, иль образ
летучий²⁹?
Манам³⁰ подземным не ты ль отдана, обреченная смерти?
(Рад я, прости...). Не тебя ль меч сразил в угоду богине?
70 Тело, однако, живое я вижу, поступки живые.
Так объясни, наконец, какая судьба тебя держит
с матерью милой в разлуке, в жреческом сане священном,
и, что всего удивительней, в храме свирепой Дианы?».
Так говорил ей отец, и так ему дочь отвечала:
75 «Было то время, как вы устремились на Гектора землю,
имя твое под письмом³¹ по совету Улисса стояло
ложным, как будто бы сам ты велишь мне скорее явиться –
брак заключить с Ахиллесом – ему я назначена в жены.
Мать сомневаться не стала, меня вручили Улиссу,
80 но не на брачное ложе – влекут к алтарю³² меня жертвой.
Кротость, однако, явила богиня и в знак сострадания
лань на алтарь возложила, – о ней ведь некому плакать.
Вырвана из-под ножа, я служу, поклоняясь Диане».
Радостный прежде, Атрид опечалился повестью этой
85 и, в знак почтения, богине возносит мольбы и куренья.
«Бога сестра плектроносного³³, Феба, Латонина дочь,
как бы тебя не призвали, великая славой богиня,

²⁴ Австр – южный ветер, отогнавший флот Агамемнона из Эгейского моря в Черное.

²⁵ Пеласги – древнее наименование греков: ср. 137, 436, 974.

²⁶ Вину прежних дней – жертвоприношение Ифигении. См. 75–80.

²⁷ Вазу – курильницу, см. 52.

²⁸ На шее повисла. – Ср. 229.

²⁹ Образ летучий – созданный богами? См. Verg. Aen. X. 636: «Соткав... призраком летучий».

³⁰ Маны – души умерших; царство теней.

³¹ Имя твое под письмом – модификация мотива из пролога Eurip. Iph. A. 98–105.

³² Не на брачное ложе... к алтарю. – Ср. Sen. Ag. 166 сл.: «Отец, пред алтарем стоявший жертвенным, // Как перед брачным».

³³ Плектроносный бог – Аполлон как предводитель муз, с кифарой и плектром (палочкой, которой ударяли по струнам) в руках. Эпитет «плектроносный» – неологизм Драконция. То же начало стиха: Drac. Med. 285.

лик твой божественный внемлет, о чем бы тебя не просили, –
 милость ты к нам проявила, кровавую жертву отвергнув,
 90 повод для стонов изъяла, родительским плачам внимая³⁴.
 Жреческий нож распалился, но крови напился дешевой;
 крови людской возалкав, от нее принужден отказаться.
 Ты с алтарей похищаешь людей, на смерть обреченных;
 дочь не царю возврати, а отцу, кто потерю оплакал,
 95 чтоб не напрасно ее ты спасла от убийства. Тебе же
 дам я обет принести коз, овец, и свиней, и оленей
 тысячу³⁵, также бычков с полумесяцем между рогами.
 Нет, не взята нами Троя, коль скоро не буду в Микенах
 с дочерью вместе, вернув ее матери, горько скорбящей;
 100 ту, что считает погибшей, увидит она и поверит
 в милость. Диана, твою, и радостью скорбь обернется».

Но все молитвы отца лишь гнев распалили в богине,
 лик свой, и взоры³⁶, и мысли она от него отвратила.
 Понял могучий воитель, что сердце пылает Дианы, –
 105 в страхе назад отступает, мольбу обуздав поневоле,
 с грустью шаги ускоряет к раздолью морского простора
 и, на корабль взойдя, снова водную гладь разрезает.
 А между тем как Атрид держит путь по пенящимся волнам³⁷,
 110 полнится все побережье микенское³⁸ славой летучей,
 что возвращается вождь, одаренный победой военной.
 Тотчас добычу везут корабли пальмоносные³⁹; взоры
 с башен стремят городских им навстречу данайцы⁴⁰, и полны
 стены везде крепостные толпами женщин микенских.
 Вышла жена Агамемнона пленных увидеть фригийцев,
 115 в страхе, с нечистой душой пред мужа неожиданным возвратом;
 прочь при виде ее растеклись микенские жены⁴¹.
 Остановилась царица, безумная в страсти преступной,
 общую радость клянет, прерывая слезами проклятья
 (страхом объятое, сердце колотится в ней непрестанно),
 120 кары страшится жена, неизбежной с прибытием супруга:
 полными ужаса взорами все вокруг себя обегает;
 бледность покрыла ланиты⁴², недавно пылавшие жаром,
 мысль злосчастный любовник ей непрестанно тревожит.
 Видит, однако, что царь не сходит с кормы корабельной,
 125 верит, что может остаться вина ее без наказания,
 рада; свидетель неложный тайны ее душевной,
 бледность прогнав, на щеках выступает снова румянец,
 и развратная радость играет во взоре преступном.
 Мыслит жена, что царь поглощен пучиной морскойю,

³⁴ Ст. 87–90 выдержаны в стиле ораторского приема «снискания благосклонности» (*captatio benevolentiae*) аудиторий. Ср. 892, 911 сл.

³⁵ *Тысячу*. – Максимальное количество приносимых в жертву животных составляло обычно 100 голов – так называемую гекатомбу. С полумесяцем, – т.е. со знаком, соответствующим символу Дианы, которую римляне часто отождествляли с луной. См. *Cic. Nat. d. II. 27. 68 сл.*; *III. 20. 51; Verg. Ecl. IV. 10; Catul. XXXIV. 13; Sen. Ag. 839.*

³⁶ *Лик свой и взоры*. – Ср. *Verg. Aen. I. 482*: «Потупила взоры Минерва».

³⁷ *Пусть по пенящимся волнам*. – Ср. *Verg. Aen. III. 268*: «По волнам пробегаем вспененным».

³⁸ *Побережье микенское*. – Драконий плохो представлял себе географию Греции: Микены расположены далеко от морского побережья. Та же ошибка в 111 сл., 152, 233 сл., 364. Ср. 491 и прим.

³⁹ *Корабли пальмоносные* – украшенные пальмовыми листьями. Ср. 233.

⁴⁰ *Данайцы* везде у Драконция соответствуют просто грекам.

⁴¹ *Растеклись микенские жены* – в знак того, что они не одобряют ее поведения. Ср. *Cic. Cat. I. VII. 16*: сенаторы дружно покинули скамьи, близкие к той, на которую сел Катилина.

⁴² *Бледность покрыла ланиты*. – Ср. 126. Перемена в цвете лица как признак душевного волнения – частый мотив в античной поэзии. Ограничимся здесь только несколькими примерами из римских авторов: *Verg. Aen. IV. 499, 644; VIII. 709; Ovid. Metam. II. 775; III. 491; VII. 801; XI. 418; XIV. 775; Tr. III. 9. 18; Sen. Ag. 237; Med. 859–861; Herc. Oet. 251–252.*

130 рада, что нету его, и более медлить не хочет:
быстрой стремится стопой к Эгисту бежать и поведать,
что не вернулся супруг; но надежда ее обманула.
Жрица Кассандра из пленных по жребью досталась Атриду,
и средь дарданской резни, среди кликов победных данайских
135 не обижали ее⁴³, хоть была она частью добычи.
Вот, Клитеместру завидя, священным безумьем объята,
«Здравствуй, – кричит издали, – пеласгов могучих царица,
за Дарданидов отмщенье⁴⁴ и Трои плененной отрада;
здравствуй и ты, Эгист, добрый пастырь⁴⁵, вождя кротитель,
140 ты, что к постели привык из шкур, мягким пухом покрытой,
ты, что дорогу нашел в царский дом из-под кровли убогой, –
что до сих пор не решились от страхов избавиться ваших?
Бейте, и пусть не пройдет вашей страсти любовной улада
(время пришло, и судьбы велят, и вина понуждает),
145 и двулезвийный топор отсечет победителю выю!
Пусть ожидает и вас небес подобная кара, –
есть у преступников срок, покуда Орест подрастает.
Мать, станешь жертвою сына, – его в палача превращает
гибель отца, и с тобою погибнет любовник жестокий,
150 пав от Пилада руки⁴⁶ (мне поверьте), Орестова друга.
Им же другое безумье⁴⁷ владеет – да будет очищен!».
Так изрекла и свалилась среди корабельных канатов.
Речи пророческой в страхе негодная внемлет царица;
бледностью снова покрылись ланиты, и в сердце жестоком
155 жажда растет преступленья; любовная страсть понуждает,
страх неумный свирепствует в мыслях ее беспокойных.
С виду веселая, в дом возвратилась, мрачней душою,
в страхе царица и, с вздохами тяжкими в спальню вступая
стон подавляет в груди⁴⁸; на лице же – притворная радость.
160 «Что говорят, что за слухи, какие приносят известья?» –
уши свои наострив, Эгист вопрошает распутный.
С хитростью, женскому полу присущей, обман свой скрывая,
так начинает она: «Скажи, что, по-твоему, делать?
Гибнем мы: кончив войну, вернулся супруг-победитель;
165 ревностью злой уязвлен, он грозит на аргивян подвластных
строгим законом накинуть узду целомудренных нравов.
Кто за чужую вину отомстил⁴⁹, на какую тот меру
в собственном деле пойдет? И умрем мы с тобой без
отмщенья⁵⁰,
наша погибнет любовь, ибо тотчас в неистовстве страшном

⁴³ Ст. 135. *Не обижали ее*. – Драконций избегает упоминания о насилии, которому подверглась Кассандра после взятия Трои и о том, что она была наложницей Агамемнона, – разумеется, не по своей воле.

⁴⁴ *За Дарданидов отмщенье*. – См. прим. 9. Дарданиды – троянцы, потомки Дардана, впервые поселившегося в области Трои.

⁴⁵ *Добрый пастырь*. – Драконций настойчиво называет Эгиста пастухом. – то ли потому, что он был найден пастухами (см. *Нуг*. 87 и 88), то ли желая противопоставить его низкий социальный статус наследственным царским правам Агамемнона. См. особенно 141, 275 сл., 338, 419, 425 сл., 453, 479, 530, 750.

⁴⁶ *Пав от Пилада руки*. – См. 710–724. По традиционной версии, Пилад – сын Строфия, шурина Агамемнона, у которого был укрыт Орест. У Драконция родственные связи между молодыми людьми никак не отражены.

⁴⁷ *Другое безумье*. – Кассандра имеет в виду убийство Пирра (ср. 809), хотя Орест совершает его в здравом уме. *Да будет очищен*. – Ср. 16, 885, хотя здесь речь идет об очищении Ореста от крови матери.

⁴⁸ *Стон подавляет в груди*. – Ср. (почти дословно): *Verg. Aen. X. 464 сл.; II. Lat. 975* (о Гекторе, оставшемся один на один с Ахиллом): «К смерти готов и глубоко // Стон подавляет в груди».

⁴⁹ *Кто за вину отомстил*. – Ср. 22.

⁵⁰ *Умрем без отмщенья*. – Ср. *Verg. Aen. II. 670*: «Чтоб не умерли мы без отмщенья».

- 170 нас обречет на заклянье Атрид: он мечом смертоносным
смеет виновных карать. Нет надежды другой на спасенье⁵¹,
как пренебречь нам обоим спасеньем и жизнью самою.
Пусть же сразим мы тирана в сиянье славной победы
и загремит он доспехом, не зная про наши объятия;
- 175 столь уж Атрид вознесен успехом⁵² на поприще бранном,
столь возгордился своей победой над домом Приама,
что безразлична ему цена человеческой крови.
Из-за тебя же слыву я порочной и стыд потеряла,
но не хочу расставаться с плодами измены преступной.
- 180 Хотя на словах я храбра, пред делом самим целеную;
общим все стало у нас, мы едины и в жизни и в смерти.
общее счастье навеки и общую делим опасность.
жребий единый и равный достался: велю и прошу я.
как пастуха побуждает царица, гонимая страхом
- 185 смерти ужасной, послушная слабости женского пола.
Дело тебя призывает надежное – жизни спасенье,
чтобы и мне не погибнуть кровавой смертью с тобою,
ибо со мною и сам ты падешь, изменник несчастный,
лишь Агамемнон вернется; нас вырвать сумеи из могилы.
- 190 Труд не велик уложить победителя острым железом:
тот, кто врага одолел, стал беспечен, в спокойствии дремлет
и, никого не боясь, в засаду легко попадает.
Нет и тебе супостата: Орест еще мал несмышлennyш,
пеплом одна стала дочь⁵³ в храме далеком Дианы,
- 195 дочь же другая – бессильная, робкая; что она смеет?
Также Атрид Менелай далеко на чужбине блуждает⁵⁴.
Что б ты не сделал, свершишь безнаказанно, и преступленью
будет наградой тебе, а не карою; станешь счастливо
царством Атрида владеть и дворцом богатым микенским.
- 200 Дам тебе свежий пример: спартанка, виновная в смерти
стольких царей и простого народа, живет себе вволю⁵⁵.
в счастье и полном покое, обрешкая гибели многих.
И не боюсь я данайцев: ведь сына спасаю Тиеста⁵⁶».
- 205 «Средством, скажи мне, каким, – говорит он, – смогу я
исполнить
тяжкое столь преступленью? Прикончить царя – вот задача,
если к себе во дворец, к тому же, с триумфом вернется».
Путь открывая убийству, преступная молвит царица:
«Прахом сражений запачкан⁵⁷, в одежде, пропитанной
кровью.
- 210 царь возвратится жестокий, – сменить ее надо немедля;
тунику чистую дам, воротник же зашью я заране⁵⁸».

⁵¹ Нет надежды другой на спасенье. – Ср. Verg. Aen. II. 354: «Для побежденных спасенье одно – о спасенье не думать!».

⁵² Вознесен успехом. – Ср. Sen. Ag. 247–252.

⁵³ Пеплом одна стала дочь – единственное упоминание в устах Клитемстры об Ифигении, в отличие от Сенеки (Ag. 158–173), не говоря уже о греческой трагедии. В храме Дианы. – Правильнее было бы сказать «у алтаря», так как храма Дианы в Авлиде не было.

⁵⁴ Менелай далеко блуждает. – См. Od. III. 274–302; IV. 351–586. Однако Клитемстра этого знать не могла, тем более, что о последствиях бури, отогнавшей Менелая далеко от родных берегов, Драконций ничего не сообщает. См. прим. 23.

⁵⁵ Спартанка живет себе вволю – Елена, избежавшая мести со стороны Менелая и греческого войска. Утверждение, противоречащее ст. 196, так как Елена должна еще «блуждать» вместе с Менелаем или, если принять версию, разработанную Еврипидом в одноименной трагедии, находиться в Египте.

⁵⁶ Сына спасаю Тиеста – Эгиста. Ср. 308 и прим.

⁵⁷ Прахом сражений запачкан – неправдоподобное утверждение: неужели у Агамемнона не было возможности сменить боевые доспехи на чистую одежду?

⁵⁸ Воротник же зашью я заране. – Ср. Eurip. Or. 25; Lycophr. 1099–1100; Sen. Ag. 887–889; Apold. Epit. VI. 23.

Голову освободить тиран безуспешно стремится,
тут неожиданно ты удар жестокий наносишь,
голову, шею, затылок разишь беспощадной секирой.
215 Путь остается последний, и он же диктует решение.
Мысли моей подчинись: это средство одно лишь возможно,
смерти своей избежим, пусть скорбно другого оплачут.
Медлить нельзя: он уж здесь, преступления нашего мститель».
Так говоря нечестиво, слезами она заливалась.
220 Тот за железо хватается, страхом, волненьем пылая
(делает дерзким испуг⁵⁹, делает робость отважным),
вооруженной рукой вокруг рассыпает удары
и поражает в испуге врага, хоть и вовсе не видит.
225 Так, притаившись в ручье, змея⁶⁰ с разинутой пастью,
телом подавшись вперед и дрожа языком расщепленным,
копит свой яд смертоносный, людям погибель несущий.
Радуюсь выпадам этим, царица в душе ощутила
страсти позорной прилив, и в ней возрождается похоть.
Вот на пастушеской шее повисла в греховном объятье,
230 запечатлевши устами распутными сладость лобзанья;
он поцелуи в ответ ей дает, тело все покрывая.

Так наслаждаются оба преступным замыслом общим, –
царский корабль уже здесь, всех цветов разукрашен венками.
Больше и больше вина распалает их дерзкие души:
235 туника в дланях ее, и секиру пастух приготовил.
Каждому дело свое: укрылся в засаде любовник,
женщина, к двери приблизившись, тунику держит руками,
на смертоносный наряд возлагая немало надежды.
Царь же, сойдя с корабля и к земле прикоснувшись, победно
240 ратных следами трудов блистает, от крови прекрасен⁶¹,
видом велик и могуч, озарен исступленьем сражений.

Был Юпитер таким⁶², победив супостатов-гигантов:
царственный, в звездах, венец возносил на челе к небесам он,
пламя вокруг головы разливалось, искрясь и сверкая.
245 Милые дети Атриду природой даны – выбегают
навстречу отцу, – тут объятья, с обеих сторон поцелуи.
Жадными ищет глазами, однако, родитель супругу;
в спальный он входит покой и дверь за собой затворяет.
Встретив, царя Клитеместра приветствует лживою речью:
250 «Воинской славой могучий, сними свое грязное платье:
мир ты со собою принес – удостой его мирной одежды;
вот соккала я тебе одеянье, труда не жалея;
пурпурным цветом лучатся нити на нем золотые».

Так говоря, обнажает царя от защитных покровов⁶³
255 и погребальной одеждой коварно его облекает.
В тунике ищет Атрид головное отверстие напрасно, –
за руку мужа держа, подзывает царица Эгиста.
Тот же, секиру воздев дрожащей от страха десницей,
царскую голову взмахом смертельным разит нечестиво,

⁵⁹ Делает дерзким испуг. – Ср. *Ovid.* *F.* III. 644.

⁶⁰ Так, притаившись, змея. – Сравнение восходит к Вергилию (*Aen.* II, 471–475).

⁶¹ От крови прекрасен. – В отличие от 209, здесь это описание характеризует величие победителя.

⁶² Был Юпитер таким. – В этом сравнении антропоморфная характеристика бога сочетается с персонафикацией неба: его венец – в звездах, пламя отражает сияние эфира. *Супостатов-гигантов.* – Имеется в виду известный эпизод из греческой мифологии – попытка гигантов свергнуть олимпийских богов, закончившаяся поражением восставших. См. выше, 242; *Verg. Ge.* I. 281–286; *Ovid. Metam.* I. 151–162. *F.* V. 35–44; *Apoll.* I. 6. 1–2; поэма на греческом языке «Гигантомахия» была у Клавдиана. Ср. 930 и прим.

⁶³ Сцена убийства в ст. 254–264 очень близка к ее изображению устами Кассандры у Сенеки (*Ag.* 887–903), за исключением того, что там удары наносит и Клитеместра. Ср. 254–256 – *Ag.* 881–889; 260–262 – *Ag.* 901–903; 265–268 – *Ag.* 892–894.

260 темя царя и чело раздробляет с короною вместе,
надвое их разрубая, и сыплются снова удары:
третий, четвертый⁶⁴, – из черепа мозг разливается влажный.
Хвалит царица убийцу, валится царь невиновный,
телом кровавым трепещущим пол под собой сотряся.

265 Так⁶⁵, в тенетах запутавшись, вепрь огромный,
ищет себе избавленья, терзая охотничьи сети,
морда вся пеной покрыта, оскалены зубы, – напрасно
он расточает удары, злобно ловушку кусая.

Азии так повелитель обрел конец свой кровавый,
270 члены его осквернила, увы! пастушья секира.

Мрачная доля людей⁶⁶, их ум, над грядущим не властный!
Кто б мог поверить (хотя бы и сотне вняв дуновений,
в Дельфах пророчица-жрица⁶⁷, колебля треножник, сказала,
звучком речей оглашая пещеру и плектр утомляя),

275 что покорителя Азии малым владеющий пастырь,
робкий беглец⁶⁸, поразит, стад овечьих и козих хозяин,
и не сгорит на костре, кто разрушил пламенем Трою⁶⁹.

Люди, учитесь и в счастье не верить судьбе ненадежной:
боги легко наделяют нас благами⁷⁰, вскоре, однако,
280 сами ж несчастным вредят или вдруг безо всякой причины
их покидают и карой сменяют минувшее счастье.

Кто в это верить не хочет, судьбу пусть вспомнит Приама
и на Атрида дворец бросит взгляд, недоверия полный.

285 Дева Пелопова рода⁷¹ подавлена бойней нежданной.
все же Ореста спасла, чтобы мстителем стал он отцовым;
вырвавши брата из пасти у матери дерзкой, Электра
с ним на корабль взошла и направилась прямо в Афины;
к тем, кто ученью и мудрости предан, его приобщила
(тот же корабль, что привез Агамемнона, брата с сестрою –
290 царского дома надежду – сокровища Трои доставил).

Другом Оресту спасенному стал Пилад самым верным,
мудрости вместе учились и славились речью умелой⁷².

Оба того же хотели, оба того ж не хотели⁷³:
если в палестре в борьбе упражнялись, была она мирной;
295 если сбирался один на охоту, по логовам рыскать,
тотчас был рядом другой с ним охотник; коня боевого
взнуздывать брался один, та же страсть в другом

пробуждалась;

⁶⁴ Третий, четвертый. – Ср. Ovid. Metam. XII. 288: «Трижды, четырежды швы головные ударом тяжелым // Он разломил».

⁶⁵ Так... так. – Ср. параллелизм в сравнении: 631–638; *Drac. Hel* 350–363, 576–585; *Med.* 307–309.

⁶⁶ Мрачная доля людей. – Ср. *Lucret.* II. 14–16.

⁶⁷ Образ пророчицы-жрицы, приводимой в иступление *дуновениями*, т.е. парами, исходящими из расщелины в Дельфах. Колебля треножник, на котором она восседала, Пифия сопровождает свои прорицания ударами *плектра* по струнам кифары. В Новое время было доказано, что пророческий экстаз Пифии достигался не действием паров, как думали в древности, а представлял собой нечто вроде иступления шамана.

⁶⁸ Робкий беглец. – Об уклонении Эгиста от участия в Троянской войне см. *Aesch. Ag.* 1625–1627.

⁶⁹ Не сгорит на костре, кто разрушил пламенем Трою. – Ср. (о судьбе Приама) *Sen. Tro.* 54 сл.: «Царственных // Отец детей лишен костра последнего // В горящей Трое!»; *Drac. Hel.* 144 sq.

⁷⁰ Боги легко наделяют нас благами – общая для всей античной поэзии мысль о непостижимости божественной воли.

⁷¹ Дева Пелопова рода – Электра, правнучка Пелопа.

⁷² Мудрость и умелая речь – два элемента, составлявших цель традиционного «высшего» образования во времена Римской империи: философия и риторика.

⁷³ Оба того ж не хотели. – «Одного и того же хотеть и не хотеть – вот признак истинной дружбы» – общая для античности мысль. Ср. *Cic. Plant.* 2. 5; *De amic.* XVII. 61; *Sall. Cat.* XX. 4; *Sil. Ital.* IX. 406: «...чтобы того же хотеть и того ж не хотеть им обоим».

если к метанью копья возникала охота, бросали тот и другой: добродушно любимой игре предавались⁷⁴;
300 если же вдруг у кого-то ложились камешки сразу, то не боялся другой проиграть; победив же, не хвастал. Некогда Кастора брата любил и лелеял так Поллукс⁷⁵, также и Поллукса Кастор любил всей душою взаимно; в смерти черед обретя, возмещают и жизни утрату.
305 В тирского пурпура платья оделся любовник-убийца и на преступной его голове искрится корона. Входит в дворец Агамемнона словно законный наследник (больше, однако, пристало б наследником зваться Тиеста⁷⁶), царского сына Ореста повсюду сыскают он стремится⁷⁷.

310 ... Впрочем, когда понял он, что зарыто богатство данайцев, все оставалась надежда троянские клады расхитить; скоро ж узнал, что и эти похищены вместе с Орестом. В негодованье бушует, что царское имя пустое он приобрел, что утратил богатство, тираном оно лишь
315 сделать его бы могло, обеспечив железом и золотом⁷⁸. Но Клитемистра лукава: союзника по преступленью ловко она утешает, чтоб прежних держался он правил; все напоказ выставляет богатства, любезные полу: кольца, венцы; щебечка, как сорока, выносит шкатулки
320 и ожерелья свои примеряет к порочному телу. «Этим по всей Арголиде мы купим себе благосклонность, новую знать⁷⁹ привлечем и старую знать успокоим, чтобы нам были верны. Ведь мужа любого супруга, будь он могуч и велик, а она и скромна и красива,
325 эти надев украшенья, надежду на них возлагая, может задобрить, а если к сладости слов своих лъстивых наши добавит богатства⁸⁰, то сладким ядом умело уши супруга наполнит смятенные; нежным объятьем дело искусно закончит. Вот так пол женский лукавый
330 тех, кто высоко стоит, нам сделать сумеет друзьями. Злато прекрасно, но женщина злата намного прекрасней: златом позор прикрывают, златом почет украшают, но лишь Киприда смягчила в сраженьях жестокого Марса. Верь мне, супруг: я, жена, рассуждать так о женщинах
335 Речью такую она укрепляет любовника волю; радуюсь женской отваге, за прежнее снова берется;
вправе».

⁷⁴ *Любимой игре предавались* – в камешки.

⁷⁵ *Кастор и Поллукс* (греч. Полидевк) – два брата-близнеца, сыновья Леды. По наиболее распространенной версии, отец Кастора – Тиндарей, земной супруг Леды, отец Полидевка – Зевс. В бою со своими двоюродными братьями Кастор погиб, а Полидевку Зевс даровал бессмертие, превратив его в звезду. Однако Полидевк отказался от этого дара, не желая расставаться с братом, и тогда Зевс разрешил им либо через день находиться то на небе, то в преисподней, либо чередоваться таким образом, чтобы один день Полидевк находился на небе, а Кастор в Аиде, а на другой день они менялись местами. См. Нуг. 80.

⁷⁶ *Наследником зваться Тиеста*. – Как видно, Драконций рассматривает здесь и Тиеста как простоянина, чей сын не имеет права на престол, что, впрочем, противоречит ст. 203.

⁷⁷ После ст. 309 в сохранившемся тексте очевидна лакуна, в которой должно было говориться о неудаче попыток Эгиста *сыскать Ореста* и сокровища Агамемнона, см. 310–312. Ср. 289 сл.

⁷⁸ *Железом и золотом*. – Первое, чтобы обуздывать недовольных, второе – чтобы их подкупать. Ср. 321–331.

⁷⁹ *Новую и старую знать* – явный анахронизм, подразумевающий образование в эпоху Римской империи новой знати из богатых вольноотпущенников, императорских любимцев и т.п. Драконций как представитель старинного рода едва ли мог сочувствовать этому процессу.

⁸⁰ *Наши добавит богатства*. – Это предложение входит в некоторое противоречие с 325, где названы *эти украшения*, т.е. предположительно уже врученные женам знатных микенцев.

грязной душой жаждет царства и скипетр удерживать хочет.
«В хитрой засаде жены, пастуха дерзновением преступным,
в дом без боязни вступив, был загублен наш славный

властитель», –

- 340 так молчаливо в душе подавляют сограждане думу;
шепотом робким⁸¹, сквозь слезы, так говорят меж собою;
«Иль нечестивая Лахесис⁸² по роковому закону
смерть присудила царю под ударом позорным секиры?
О, если б мужа сего сразила в бою амазонка⁸³
- 345 Пентесилея, бушуя, которой едва он избегнул,
и не погиб он, простершись, жертвою смерти бесславной,
роду вину передав своему, а данайцам – убийство,
не волокли б по земле⁸⁴, не лежал он кремля в отдаленье,
не был бы чести лишен его труп, похороненный ночью».
- 350 Муза, скажи мне, молю, почему же мачеха-матерь
розыском пренебрегла детей, которых могла бы
смерти предать, как отца? Был вольноотпущенник царский⁸⁵,
верный семье Дорилай⁸⁶, воспитатель младого Ореста.
Лживое в хитром уме изобрел он известье, что морем
- 355 яростным взяты Атриды и в бурных волнах потонули.
Стоя на берегу, взывал он: «Создатели неба святого⁸⁷,
боги земли и морей, любовь, что присуща природе!
Вас я молю, согласитесь с обманом моим дерзновенным,
лживым моим помогите речам: пусть я буду услышан,
360 пусть мне поверят, хоть лгу, – ведь я как заступник Ореста
вырвать невинных стремлюсь у отцовской судьбы, что родная
мать им готова сплести и отчим, враг ненавистный».
Так он сказал и вступает в бродящие воды одетый,
и средь лазурного моря в бурно кипящие волны
- 365 до головы погрузился и на берег выбрался снова.
В страшном волненье, с плачем, бежит он к злочестному
граду,
жалобным голосом кличет: «Юпитер, тебе так угодно
греков теперь погубить, как врагов, отмстив за троянцев?
Ради фригийцев свирепствует море, в расплату за Троию.
370 Дети же чем виноваты? Что мог совершить нежный возраст
на илионских полях в годину войны? Так за что же
бегство желанное им не позволено водной равниной?
Видел я сам, как волна поглотила детей вместе с судном –
спутником плыл я на нем, воспитателем давним Атридов, –

⁸¹ Шепотом робким. – То же начало стиха: *Drac. Med.* 201, 236.

⁸² *Лахесис* – одна из трех Парк, ведающих судьбой человека. Один из немногих случаев обращения Драконция к божественным силам. Ср. *Drac. Med.* 375.

⁸³ *О, если б мужа сего сразила* (ср. 277). – Агамемнону лучше было бы погибнуть и быть с честью похороненным под Троей, чем пасть дома жертвой заговора: *Aesch. Cho.* 345–354. Впрочем, о встрече Агамемнона в бою именно с *Пентесилеей* традиции ничего не известно. Сенека (*Ag.* 217 сл.) допускает это только как одну из возможностей.

⁸⁴ *Не волокли б по земле*. – Ср. обращение Ахилла с телом убитого Гектора: *Il. XXII.* 395–404; *XXIV.* 14–18; и ниже: 526, 720, 725.

⁸⁵ *Вольноотпущенник царский* – очередной анахронизм: кормилица Ореста в «Хозэфорах» Эсхила, его Воспитатель у Софокла в «Электре» и Старик в «Электре» Еврипида остаются рабами.

⁸⁶ *Дорилай*. – Имя воспитателя Ореста введено Драконцием, хотя оно и встречается совсем в других сюжетах у Овидия (*Metam. V.* 130; *XII.* 380) и Стация (*Theb. II.* 571; 111. 13). Ложный рассказ о гибели Ореста – постоянный элемент традиции: *Aesch. Cho.* 674–687; *Soph. El.* 673–760, 1098–1122; *Hug.* 119, но там он призван притупить бдительность узурпаторов. Здесь он может расцениваться как объяснение ст. 350–352. Ср. также 707–709.

⁸⁷ *Создатели неба святого!* – Ср. обращение к богам земли и морей: *Verg. Aen. III.* 528; *Ovid. Tr. I.* 2. 1; *Ibis.* 67.

375 все потерял, сам же спасся, до берега вплавь добираясь.
Да, справедлива царица и кроток Эгист жестокий;
волны морские свирелей: детей наших не пощадили
даже и после войны!⁸⁸ Считать надо Трою счастливой!». Скорбно он так восклицал и, в дворец увлеченный насильно,
380 щедро завален дарами за то, что доставил он радость
душам преступным. Бесстыдная вскоре велела царица
к ней собирать весь народ, – приходят, но по принуждению.
Вот посредине дворца свою речь она так начинает:
«Лучшие греков вожди и вы, незаметные люди,
385 кто избежал погибели ради триумфов Атрида
в годы железные, вы, кто, последние силы собирая,
с брюхом сидите пустым, ослабев от пролитой крови, –
в том, что Беллона вас так извела жестокой войною,
царь виноват Агамемнон, граждан свой город лишивший⁸⁹;
390 вдовами сделать пытался он жен и бездетными – старцев,
ласки отцовской лишив незрелую поросль младую.
Смерть он за это нашел, пораженный ударом секиры,
также потомству его отомстила пучина морская.
Вам обещаю покой⁹⁰, надежду на отдых спокойный;
395 мирными будут досуги, спящего ночью не станет
с ложа звук трубный срывать, буравя отверзтые уши;
можете в должное время вы ласковым сном наслаждаться.
Копья жестокие спят; мечи пусть в серпы обратятся;
силою ваших костей, крепких мышц согнутые луки
400 только на диких зверей и на быстрых птиц направляйте.
Старость согрейте весельем, пирами, что радость приносят,
нежными растите внучат, пусть их вам ваши дети подарят.
Пусть лишь болезни ведут к окончанию благостной жизни,
пусть вас надежда питает, что срок вам на свете природа,
405 по истечении лет, положила, – не раны, железом
вам нанесенные: должный обряд похоронный свершится,
и погребальный костер вам достанется; каждый могилу
сможет при жизни себе приготовить навеки для праха.
Был Агемнон жестоким царем и врагом нечестивым
410 детям своим, был владыкой отечества слишком суровым;
будет Эгист гражданином⁹¹; его объявляю супругом».

Так изрекла и велела всем из дворца расходиться
и возвращаться домой. Но любовник ее, не способный
вожди от царства держать, неумелый и грубый невежда,
415 чванясь, себя лишь считал богом-гением дома⁹²: с прислугой
царской был грозно суров; как чужак, обращался с рабами.
Были не кротки его приказанья, – когда бы случилось
их самому исполнять, он их счел бы виною позорной.
Скипетр триумфов в руках пастуха – вот цена
преступленьям;

⁸⁸ Ст. 377 сл. – Ср. *Drac. Hel.* 54.

⁸⁹ *Граждан свой город лишивший.* – Ср. *Verg. Aen.* VIII. 571: Мезенций «город лишил многих граждан»; *Stat. Silvae.* III. 72–73: «Страшный Везувия зев и жестокой горы дуновение // Огненной бурей не так города их граждан лишают».

⁹⁰ *Вам обещаю покой.* – Далее перечисляются признаки золотого века. См. *Ovid. Metam.* I. 98–100:

Труб не бывало прямых, ни медных рогов искривленных,
Не было шлемов, мечей; упражнений военных не зная,
Сладкий вкушали покой безопасно живущие люди.

Ср. также *Verg. Ge.* II. 539 сл.; *Tibull.* I. 3. 47–48.

⁹¹ *Будет Эгист гражданином* – анахронизм, вызванный, может быть, тем, что после завоевания Африки вандалами жители Карфагена перестали чувствовать себя гражданами Римской империи.

⁹² *Бог-гений дома* – божество, присущее каждому дому и почитаемое его обитателями. Эгист, требуя себе почитания, узурпирует право бога.

- 420 кровью запачкан тиран – ему пурпур за это наградой;
в доме супруга – позор, путь открывшая к браку виною, –
кто бы, спрошу, не стонал? Но приказывал страх
подчиненным
с новым смириться бесславьем: боялись сильней волопаса⁹³,
чем на троянской равнине боялись Гектора гнева.
- 425 Кончилась власть Агамемнона: после паденья Пергама
плети достойный сравнялся с героем могучим Атридом⁹⁴.
- 453 Восемь без малого лет⁹⁵ пастух бездарный в Микенах
правил, судьбе ненавистный, и все это время с женою
- 455 оба они наслаждались страстью своей нечестивой;
а между тем всей толпой рабы среды ночи к могиле
царской стекались, чтоб плач творить над царем непрестанно;
страхом объаты, что будет услышан их голос дрожащий,
скорбные стоны свои, умеряя, они подавляли.
- 460 Здесь-то, средь воплей печальных, выплеснул горькое слово
умный отпущенник⁹⁶ – давний он был воспитатель Ореста.
«Царь, наилучший когда-то⁹⁷, а ныне – призрак печальный,
ты, чья жестокостью стала удача и смертью – победа,
чей военный триумф⁹⁸ породил лишь одно преступленье,
ты, чьи призывы, конечно, слышали гневные боги⁹⁹,
коим ты в храме молился, – в успехе ж тебе отказали, –
если была справедлива победа данайцев под Троей,
если спартанку по праву отторгли от сердца Париса
(сколько потратили сил, лишь пастух¹⁰⁰ не владел бы Еленой?
470 Нынче владеет твоей!), если смерть – состоянье другое,
если сознание свое сохраняет умерший и души,
члены покинув, живут, если дух после смерти бессмертен¹⁰¹,
нашим внемли ты слезам и рыданиям рабов твоих верных!
Землю взломай¹⁰², да расколется твердь необычным зияньем!

⁹³ *Волопас* – Эгист.

⁹⁴ *Сравнялся с Атридом*. – Переведено по конъектуре Беренса (Poetae Latini minores. T. 5. Lipsiae, 1883. P. 126–214; Dracontii carmina profana); в ркп назван Ахилл, и мысль должна быть такова, что Агамемнон и Ахилл были важнейшими героями греков под Троей, а Эгист, заняв место убитого царя, как бы стал вровень с Ахиллом. Последний, однако, ко времени действия в поэме давно убитый, никогда не был царем в Микенах, и гораздо естественнее противопоставить Эгиста Атриду, т.е. Агамемнону, чья власть кончилась (425). Следующие далее ст. 427–452 перенесены после ст. 540 Беренсом и Фольмером, поскольку здесь воспоминание о всяких преступных женах, по-видимому, не к месту и гораздо больше подходит к речи призрака Агамемнона, 527–551, в то время как ст. 453, вводящий мотив народного недовольства правлением Эгиста, хорошо присоединяется к ст. 426. Наблюдение это подкрепляется и тем обстоятельством, что в большинстве упомянутых во введении антологий ст. 452 помещен между ст. 539 и 544: стало быть, в той рукописи «Трагедии Ореста», из которой делались выписки, порядок стихов соответствовал предложенному Беренсом и поддержанному Фольмером. Перестановка эта принята большинством издателей, хотя и раздаются возражения против нее, так как в этом случае речь Агамемнона возрастает в два раза, а такое накопление мифологических примеров, какое содержится в ст. 427–452, кажется излишним даже с учетом риторических симпатий Драконция. Чтобы оставить 427–452 на своем месте, их предлагают считать высказыванием от автора, который комментирует здесь обстановку, сложившуюся в доме Атридов после захвата власти узурпаторами.

⁹⁵ *Восемь без малого лет*. – См. Od. III. 305.

⁹⁶ *Умный отпущенник* – Дорилей. См. 352.

⁹⁷ *Царь, наилучший когда-то*. – Обращение за помощью к тени умершего – достаточно частый мотив в античной трагедии. Ср. Aesch. Pe. 623–680; Cho. 129–151, 456–509; Eurip. El. 676–683.

⁹⁸ *Триумф*. – См. 26 и прим.

⁹⁹ *Гневные боги* – за разорение Трои?

¹⁰⁰ *Пастух* – Парис, судивший трех богинь в то время, когда он пас стада на горе Иде, в окрестностях Трои. *Нынче владеет твоей* – другой пастух, т.е. Эгист.

¹⁰¹ *Дух после смерти бессмертен*. – См. Drac. Ach. 16–30.

¹⁰² *Землю взломай!* – Ср. призыв к тени Ахилла у Сенеки (Tro. 519–521: «Земля, разверзись! Ты, супруг мой, пропастью // Ее бездонной расколи...») и ее появление у Овидия (Metam. XIII. 442 сл.: «Из-под земли

475 В сонме подземных теней¹⁰³, тяжко мстящих, на них
опираясь,
встань из гробницы, как некогда тень восстала Ахилла¹⁰⁴;
казнь сверши над женой, пусть кара воздастся Эгисту,
каждому члену его¹⁰⁵. Неужели умрешь неотмщенным,
царство отдав пастуху? За пределом могилы сурово
480 смертную долю взыскал фессалийский герой с неповинной
девы, – свершителей стольких гнусных, преступных деяний
без наказания оставишь, вручив им победу и царство?
Боги, властители бездны жестокой подземного мира,
Тартара пасть разорвите, из глотки, широко разверстой,
485 дев змееносных нащлите под кровлю преступного дома.
Не сомневайтесь: Свирепые¹⁰⁶ сами к владениям Тиеста
путь, им знакомый, найдут, по старому следу помчатся
(нет, вы не фурии¹⁰⁷, если нуждаетесь прежде в моленье,
если по собственной воле отомстить за вину не хотите).
490 Не сомневаюсь и я, что по праву прошу наказания,
хоть и кровавого, – Фивам соседние стены¹⁰⁸ надежду
мне подают, обреченные некогда Тартара мраку
и среди ясного дня лишены света дневного.
Так я молю вас: когда приговором смертельным по праву
495 меч беспощадный сразит обоих злодеев преступных,
вы палачам Ахеронтовым пламени вдоволь добавьте¹⁰⁹,
фурий взрастите неистовство, яд их смертельный усилите;
пусть Энио виновных в убийстве жестоко пытается, –
чем бы вы их не пытали, им казни не будет довольно».
500 Молвил. И стон прозвучал из недр глубоких гробницы¹¹⁰:

широко разошедшейся, лик показал свой // Грозный Ахилл» и Сенеки (Tro. 178–180: «Разверзлась вмиг расселина бездонная // И к звездам путь открыл Эреб зияющий, // Взломавши землю...»).

¹⁰³ В сонме...теней – Об эффекте, который производило в театральных постановках появление подземных духов, см. Cic. Tusc. I. XVI. 37.

¹⁰⁴ Тень восстала Ахилла. – Далее (479–481) речь идет о том, как перед отплытием из-под Трон греки были остановлены тенью Ахилла (фессалийского героя), потребовавшего себе в жертву Поликсену (неповинную деву), которая была обещана ему в жены. Мотив этот, обстоятельно разработанный у Еврипида (Hec. 37–46, 107–140, 218–228, 518–582; Tro. 260–270), широко использовался и в дальнейшем. См. Verg. Aen. III. 321–324; Ovid. Metam. XII. 597–609; Sen. 170–200; Apold. III. 13.6, Epit. V. 3; Hyg. 110.

¹⁰⁵ Каждому члену его. – Ср. 908.

¹⁰⁶ Девы змееносные... Свирепые – фурии, знакомые с домом Тиеста и потому способные помчаться по старому следу, как гонимые собаки. Ср. Aesch. Eum. 231; Verg. Aen. VI. 257; Lucan. VI. 733. По этому поводу комментатор Вергилия Сервий замечает: «Лукан называет фурий псицами, ибо завывать есть свойство и псис и фурий».

¹⁰⁷ Нет, вы не фурии. – Ср. Drac. Med. 458.

¹⁰⁸ Фивам соседние стены. – На самом деле Микены отнюдь не соседствовали с Фивами, но географические представления Драконция о Греции не отличались определенностью; см. 109 и прим. Обреченные... Тартара мраку, – т.е. вследствие «пира Фиста» заслужившие вмешательство подземных сил и лишены света дневного: при виде отца, поедающего мясо своих детей, Солнце сбилось с пути и повернуло на восток. Ср. Sen. Tro. 784–826, 990–995.

¹⁰⁹ Пламени вдоволь добавьте. – Из божеств, преследующих человека на земле, фурии превратились здесь в палачей, терзающих грешников в подземном царстве. Едва ли следует усматривать в этом христианское представление о мучениях преступников в аду: о казнях, ожидающих злодеев на том свете, знала уже греческая мифология (наказание Тития, Иксиона). О загробном суде и воздаянии говорил Пиндар во II Олимпийской оде; см. также фр. 130–133 Sn.-M. Не раз возвращался к этой теме Платон (Gorg. 523 E–525 D; Phaed. 113 D–114 C; cf. Resp. X. 617 D–621 B). Многочисленными свирепыми богами населяли потусторонний мир этрусски, оказавшие очевидное влияние на религиозные представления римлян. Для Драконция непосредственным источником мог служить Вергилий (Aen. VI. 554–627). Энио – в греческой мифологии спутница Ареса, олицетворяющая ужасы войны; ее римская параллель – Беллона, которую нередко изображали с горящим факелом в руках, что способствовала отождествлению Энио с эриниями (римскими фуриями). Ср. 785.

¹¹⁰ Стон... из недр...гробницы. – Ср. Verg. Aen. III. 39–48, где к Энею взывает погребенный Полидор: «Жалобный стон до нашего слуха // Прямо из недр холма долетел».

«Душу мою не терзайте вы тяжелой печалью, бедою
вашей святой не делитесь: того успокоить в могиле
ваша должна бы любовь, кого худшая в мире супруга,
жаром преступным пылая и страсти отдавшись позорной,
505 славе развратной в угоду, своим оружием женским,
только с победой он в дом возвратился, убила немедля.
Десять лет я провел¹¹¹ отмстителем братнего ложа,
мститель измены, изменой супруги навек укрощенный, –
не побоялась она ни дом осквернить, ни пенатов
510 смертным ударом забрызгать в обмане своем нечестивом.
Но неотмщенным не буду: найдет их кровавая кара.
Больше не надобно слов – Кассандра вам правду сказала,
верьте Кассандре, Кассандра-пророчица истину знает».
Молвил; расходятся все, оставляя цареву гробницу.

515 Ночью же этой, однако, явилась в афинских пределах
легкая тень Агамемнона¹¹² (ибо Орест возмужавший
там находился с Пиладом и мирному сну предавались,
дом наполняя дыханьем своим равномерным; в палестре
играм они отдавались с любовью и оба устали).

520 Встав в изголовье у ложа, Атрид им явился обоим¹¹³.
спящим, – отнюдь не таков, каким был¹¹⁴, торжествуя
победу,
но как упал, с головой, разбитой ударом секиры¹¹⁵,
грустный, бессильный, дрожащий, со стонами вздохи мешая;
с бледного лица стекала багряная кровь непрерывно.

525 руки дрожали, слабее; бессильно глава трепетала;
ноги в оковах, – за них царя из дворца волочили.
«Разве не стыдно вам¹¹⁶, юноши, – молвил, – в цветущие
годы,
(первый курчавый пушок одел ваши нежные щеки),
знающим столько наук и владеющим храбро оружием,
530 что, вознесенный в кремле, позорит пастух мое царство,
плату кровавую взяв; что, средь многих его преступлений,
радостен, не укрощен, и, вздымая надутую шею,
верит охотно молве, нечестивец, что дети погибли.
Или к потомкам Кекрона¹¹⁷ взывать об отмщенье? Но сын
жив,

535 он и Пилад невредимы. Иначе себя показали¹¹⁸.
друга Ахилла любя, Патрокл, Пирифой – Эгеида.

¹¹¹ Я провел. – В ркп стоит лишнее *scredo*, которое издатели, вслед за Беренсом, обычно исправляют на *ego*, тоже не вполне удовлетворительное: почему годы, проведенные под Троей, Агамемнон должен определять как скитальческие? В переводе сделана попытка смягчить эту неловкость. *Отмстителем братнего ложа*. – Ср. тот же речевой оборот и также в конце стиха у Лукана, III. 286.

¹¹² Явление тени Агамемнона напоминает мотив зловещего сна у Эсхила (Схо. 32–41, 523–550) и Софокла (Ел. 410–426), но там этот сон угрожает Клитемestre. В римской литературе Драконций мог найти аналогичный прием у Вергилия (Aen. V. 722–740), где Анхис дает наставление своему сыну Энею; там, однако, нет речи о какой-либо мести.

¹¹³ Явился обоим – невероятная ситуация; ср. 555 сл.

¹¹⁴ Отнюдь не таков, каким был. – Ср. Verg. Aen. II. 270–280; Sen. Tro. 443–450 (явление тени Гектора).

¹¹⁵ Разбитой ударом секиры. – Ср. 259–262.

¹¹⁶ Разве не стыдно вам? – Ср. Verg. Aen. IX. 598; XII. 229 (оба раза в начале стиха); Sil. Ital. III. 506.

¹¹⁷ Или к потомкам Кекрона? – т.е. к афинянам, названным так по их легендарному царю. Несколько непонятный довод: зачем афинянам мстить за Агамемнона? Может быть, мысль та, что воспитанных в Афинах Ореста и Пилада Агамемнон приравнивает к афинянам (ср. 655)?

¹¹⁸ Иначе себя показали – примеры не слишком удачные: Патрокл действительно – друг Ахилла; однако непонятно, чем он себя показал. Напротив, Ахилл проявил свои дружеские чувства, выйдя в бой и сразив Гектора, от чьей руки пал Патрокл. Пирифой – царь лапифов, решившийся спуститься в Аид, чтобы похитить Персефону; помощь в этом согласился оказать ему Эгеид, т.е. Тесея; стало быть, и здесь соотношение обратное, причем не приходится говорить о мести кому-либо со стороны Тесея; Пирифой остался навеки в Аиде, а самого Тесея спасло только вмешательство Геракла.

Вооружитесь¹¹⁹, возьмите мечи, – ждет домашняя битва, –
и нечестивую мать погубите железом отцовским;
нет в том вины, коль преступницу ты покараешь жестоко:
540 в смерти супруга виновную ты уничтожишь по праву.
427 Гетов царица Тамирис¹²⁰ убила царя, но позорным
не был поступок ее: за своих она отомстила;
пусть виновата Медея¹²¹: охвачена пламенем скорби
430 по миновавшей любви, подпалила дворец она царский:
стала вдовою при муже, приведшем наложницу Главку;
жены лемносские¹²² взяли оружие преступное в руки,
брачное ложе свое они кровью мужей осквернили:
гнев был жестоким Венеры; ужасное дело свершили
435 скифские жены¹²³, – однако, среди варваров было возможно
это злодейство. Но ты, царица пеласгов, Элладой
нашей рожденная, матерью мудрых законов, супруга
славная мстителя-воина, мужа убийством жестоким
страсти преступной вину ты увеличила вдвое¹²⁴.
440 Вспомнить могла б Алкестиду¹²⁵: смертью своею у манов
вырвала мужа; бесчестя себя, ему честь оказала.
Что говорить об Эвадне¹²⁶, сгоревшей в огне фиванском?

(Продолжение следует)

¹¹⁹ *Вооружитесь*. – Несмотря на множественное число, последующие слова обращены, собственно, только к одному Оресту.

¹²⁰ *Тамирис* (или Томирис) – царица массагетов, чье войско одолело в битве персов, вторгшихся в их землю. В сражении пал и сам персидский царь Кир, до того вероломно напавший на отряд массагетов и захвативший сына царицы, который в плену покончил с собой (*Herod.* I. 205–214). Таким образом, хоть Тамирис и не своей рукой убила царя, она несомненно отомстила за своих. В последующих источниках массагетов нередко смешивают со скифами и гетами; отсюда у Драконция Тамирис названа царицей гетов. В устах Агамемнона приведенный пример, – конечно, анахронизм, что используется, в частности, противниками перестановки ст. 427–452 после 540 (см. прим. к 453). Однако анахронизмы – не редкость у Драконция, в том числе, и в устах его персонажей (см. 648, 770, 775–777, 890, 906 и прим.).

¹²¹ *Медея*. – История излагается, в общем, по одноименной трагедии Еврипида, кроме того, что там оскорбленная женщина не подпалила царский дворец, а послала отравленную одежду новой возлюбленной Ясона, от которой заживо сгорели и она сама и ее отец; что от огня загорелся дворец, добавляет Овидий (*Metam.* IX. 394 сл.). Имя Главки встречается у Павсания (II. 47. 3.6; ср. *Apold.* I. 9. 28; *Hug.* 25), причем никто из мифографов не считает ее наложницей: коринфский царь Креонт выдал Главку за Ясона как законную жену.

¹²² *Жены лемносские*. – Женщины на Лемносе пренебрегли жертвоприношениями в честь Афродиты (*Венеры*), и разгневанная богиня наделила их запахом, который отравил от них мужей, нашедших себе новых жен во Фракии. Из чувства мести женщины на Лемносе перебили на острове всех мужчин, кроме одного, спасенного его дочерью Гипсипилой. См. *Stat. Theb.* V. 248–264; *Apold.* I. 9. 17; *Hug.* 15.

¹²³ *Скифские жены*. – О том, кого имел здесь в виду Драконций, мнения исследователей расходятся. Одни полагают, что к скифским женам поэт причислял, наряду с Тамирис, также Медею (поздняя традиция достаточно часто смешивала колхов со скифами) и лемносских жен (как мы знаем, его географические познания этому не препятствовали). Тогда 434–436 надо считать своего рода резюме для трех предыдущих примеров. Другое толкование ориентируется на вариант, сохранившийся у Юстина в пересказе «Истории» Помпея Трога: амазонки, которых традиция обычно помещает на берегу р. Фермодонта в Каппадокии, переселились сюда из Скифии; их мужья, подвергаясь постоянным нападениям соседей, были почти все истреблены. Тогда женщины стали защищаться от врагов с оружием в руках, а мужчин, оставшихся в живых, перебили. «чтобы одни женщины не казались счастливее других» (II. 4).

¹²⁴ *Вину ты увеличила вдвое*. – Ср. 901 и *Sen. Oct.* 605: «Свой грех удвоил злодеяньем сын», – говорит призрак Агриппины о Нероне.

¹²⁵ *Алкестиды* – супруга царя Адмета, согласившаяся умереть, чтобы спасти от смерти мужа. См. одноименную трагедию Еврипида.

¹²⁶ *Эвадна* – супруга Капанея, одного из участников похода семерых против Фив, похвалявшегося взять город даже вопреки воле Зевса (*муж-святотатец*, 450). См. *Aesch.* *Sept.* 423–445. Не желая пережить гибель мужа, сраженного за его похвальбу молнией, Эвадна бросилась в костер (*огонь, фиванский*), разоженный для Капанея. См. *Eurip.* *Suppl.* 980–1072; в римской литературе: *Ovid.* *Pont.* III. 1. 111–112; названа вместе с Алкестидой: *Ars am.* III. 19–22; *Tr.* V. 14. 37–38; *Stat.* *Theb.* XII. 800–802; *Claudian.* *Laus Ser.* (XXIX). 150–151: «...бросилась вниз Капанея супруга Эвадна, // Чтобы с пылающим мужем в общем им пепле смешаться».